

резкое качественное различие двух периодов: в первом численность иноязычных терминов уменьшается (формула ее динамики $\dot{Y}_t = 25,6 - 0,03t$ при начале счета лет с 1870 г.), а во втором значительно растет (формула ее динамики $\dot{Y}_t = 7,5 + 0,27t$).

Итак, резкие изменения во внешних условиях в большой мере меняют тенденцию движения численности заимствованных терминов в подсистеме, что приводит к неравномерному обогащению отраслевой терминосистемы иноязычными структурными элементами (на графике — штрихпунктирная линия).

Список литературы: 1. Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Основы математической статистики. М., Госстатиздат, 1963. 308 с. 2. Практикум по общей теории статистики. Под ред. проф. Рязова Н. Н., М., «Статистика», 1972. 312 с. 3. Урланис Б. Ц. Общая теория статистики. М., Госстатиздат, 1962. 496 с.

О. А. РАССКАЗОВА

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Данные, полученные в результате использования в лингвистике новых методов исследования, позволяют пересмотреть традиционную точку зрения на понятие грамматической категории. Решение этой проблемы является весьма актуальным, поскольку расширяет возможности изучения практической базы и теоретических основ грамматического строя языка. Сказанное в полной мере касается и французской филологии, хотя за последнее время в ней появилось несколько частных теорий, построенных на конкретной языковой основе.

Грамматические формы взаимодействуют друг с другом, с окружающей и наполняющей их лексикой, в связи с чем меняются значение и функция той или иной формы. Располагаясь в общей системе языка между лексикой и семантикой, функциональная морфология вступает во взаимодействие со стилистикой там, где есть выбор языковых единиц и существуют формально-грамматические средства, которые в силу своего функционально-семантического подобия могут взаимозаменяться. Из этого следует, что для анализа языковой системы необходимо применять методы, основанные на изучении любого факта языка в его отношениях с другими элементами системы.

Стремление объединить при анализе языкового материала грамматические факты с языковыми средствами других уровней проявилось уже давно. Об этом в свое время говорили А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др. А. А. Потебня, в частности, относил к грамматическим средствам не только звуковые обозначения, т. е. формальные элементы слова, но и сочетаемость, и даже семантические функции в речи [12]. А. А. Шахматов считал, что

категория грамматическая познается в синтаксисе. Так, при разграничении значений одушевленности и неодушевленности он опирается на соотношение существительных с вопросительными местоимениями [14].

Можно выделить две тенденции в зависимости от того, какой путь избирался исследователем: от мыслительных категорий к языковым формам или от формы к мысли. Ф. Брюно, придерживаясь первой точки зрения, в своем известном труде «Мысль и язык» в описании французского языка не исходит из классификации грамматических форм: он выделяет некоторые общие категории мысли, описывая затем способы их выражения в языке. Исходным пунктом по его мнению должна стать идея, вокруг которой группируются факты языка [13]. Ф. Брюно объединяет, таким образом, факты в языковом отношении неоднородные — морфологические, синтаксические и стилистические. Такой метод исследования и описания нельзя признать удачным, поскольку общая структура языка теряется из виду. Язык предстает не как система, а как набор различных факторов, слабо объединенных той идеей, которую они призваны выразить.

Если Ф. Брюно исходит из психологических предпосылок, то другой французский лингвист Ш. Балли в своих работах предлагает «брать за исходную точку логические категории и отношения, которые живут в сознании всех носителей данного языка, с целью определить средства, которые язык представляет в распоряжение говорящих для выражения каждого из этих понятий, категорий и отношений» [1, с. 296]. Балли стоит, таким образом, на позициях своеобразного логицизма, но основную задачу лингвистического анализа он видит в исследовании соотношений всех трех аспектов и языковых форм их выражения [2].

Противоположные взгляды выражены в фундаментальном труде по грамматической системе французского языка Ж. Дамурета и Э. Пишона. Их принцип анализа классификации языковых факторов заключается в том, что основанием для выделения грамматических форм они считают психологические категории, имеющиеся в сознании и подсознании народа — носителя языка, и составляющие мысленное содержание форм. Однако исходят авторы именно из этих форм, что отражено в самом заглавии их труда «*Des mots à la pensée*» [14]. Такой принцип анализа тоже нельзя считать вполне объективным, хотя собранные и обобщенные наблюдения представляют чрезвычайно большую ценность, что справедливо отмечает Л. И. Илия [7].

Большое значение для дальнейшего развития методов анализа языковых явлений имело высказывание датского ученого О. Есперсена о «понятийных категориях». О. Есперсен ставит вопрос о соотношении, существующем между синтаксическими

и понятийными категориями, подчёркивая внеязыковой характер последних. Установление им понятийных категорий базируется, однако, на языковых грамматических категориях и других языковых понятиях, что по сути подтверждает языковую сущность понятийных категорий [6].

Большой вклад в разработку теории понятийных категорий внес советский академик И. И. Мещанинов. Подобные категории выявляются им в разных языках в семантике слов, их оформлении и синтаксических построениях. Те понятийные категории, которые получают в языке синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями. Действительно, одно и то же значение в одном языке выражается грамматическим путем, а в другом — лексическим, в ряде же языков имеются и те, и другие способы выражения одного значения. Но и те понятия, которые выражаются в самом языке хотя бы и неграмматической формой грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий [9].

Дальнейшее расширение границ грамматической категории связано с возникновением так называемой теории поля. В работе А. И. Кузнецовой предлагается обзор нескольких теорий поля, в которых делается попытка системного анализа лексики и семантики на материале того или иного языка [8]. Автор отмечает, что «теория поля охватывает по сути дела множество точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи — идеи смысловой связи слов друг с другом в языке» [8, с. 11].

Вполне закономерным представляется рассмотрение в нашей статье становления теории поля на материале анализа лексики и семантики, так как семантическое развитие языка находится в зависимости от его лексического и морфологического инвентаря, словообразовательных элементов и грамматических категорий.

Заметное место в развитии теории поля принадлежит учению немецкого лингвиста Вейсгербера [8], которое выходит за рамки собственно семантических проблем. Автор ставит перед собой цель вскрыть мировоззрение немецкого народа через языковой анализ. Языковое познание действительного мира выявляется в лексике и в грамматике. По Вейсгерберу, язык охватывая все явления и связывая их в единое целое, влияет на членов общества посредством поля, у которого есть свой закон развития — закон органического выделения из целого. По этому закону члены родственных групп определяют друг друга своим местоположением в поле. Развивая идею об активном воздействии языка на мир вещей, Вейсгербер показывает влияние языка на мысль. По Вейсгерберу, язык, а через него сознание, определяют бытие, а не наоборот [8]. Таким образом, Вейсгербер стоит на позициях идеализма в философии.

Широкую известность получила также концепция И. Трира [8], предметом исследования которого является понятийное (концептуальное) поле (сфера идей, понятий), которому в языке соответствует накладывающееся на концептуальное лексическое (словесное) поле, языковое поле знаков.

Несмотря на различие упомянутых теорий, концепции Вейсгербера, Трира и их последователей имеют общую черту: исследователи исходят из понятия, из фактов сознания, а не из слов как единиц языка.

Однако можно отметить немало работ, авторы которых являются сторонниками лингвистической трактовки понятия поля. Прежде всего, это Г. Ипсен, впервые употребивший термин «семантическое поле» в 1924 г. Ипсен рассматривал словарный состав языка по лексико-грамматическим группам, которые, по Ипсену, состоят из слов, родственных и по формальному признаку (по морфологическим факторам), и по значению. Но поскольку оформленных подобным образом групп в языке встречается очень мало, теория Ипсена весьма ограничена в употреблении, что подчеркивается в работе А. И. Кузнецовой [8].

Лингвистическая трактовка понятия «семантическое поле» характеризует и учение В. Порцига. Так же, как и Ипсен, он показал возможность еще одного подхода к понятию системы в языке, но ему не удалось показать взаимосвязанность всех элементов словаря [8].

Несомненный интерес представляет работа Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс [5]. Описывая шесть грамматико-лексических полей (поля Множественности, Времени, Модальности, Компаративности, Одушевленности, Неодушевленности и Указательное поле), авторы стремятся показать несколько систем взаимодействующих средств грамматических (морфологических и синтаксических), лексико-грамматических и лексических в их функционировании. При этом подчеркивают, что «грамматические формы выражают отношения между явлениями объективной действительности в наиболее общем и поэтому, как правило, неопределенном виде... Лексико-грамматические средства обладают меньшей обобщенностью, но благодаря частичному переосмыслению компонентов приближаются к грамматической форме... Лексические средства, выполняя обычно номинативную (назывную) функцию (в отличие от грамматических форм слов), называют явления, в большей или меньшей степени конкретизируя их... Совокупность взаимодействующих средств образует систему — Грамматико-лексическое поле» [5, с. 7—8].

Следует также отметить монографию Н. Н. Раевской, в которой рассматриваются функционально-семантические поля залоговости, аспектуальности и пр. в плане задач функциональной стилистики, то есть с учетом лексико-грамматических средств выражения сходного категориального значения и грамматической идиоматики, восполняющей стилистические ресурсы

языка типизованными конструкциями аналитической формации [11]. Как справедливо отмечает Н. Н. Раевская, «категория залога лежит по существу по граничной линии между грамматикой, лексикой и фразеологией... Описание залогов невозможно в отрыве от семантики всех членов залогового отношения без учета взаимодействия в них лексической и грамматической семантики» [11, с. 89].

Таким образом, при анализе языковых фактов необходимо выявить все возможные средства разных уровней и определить те отношения, которые связывают их между собой. Такой комплексный подход в исследовании понятия грамматической категории позволяет расширить рамки его традиционной трактовки до понятия функционально-семантической категории. Как отмечает А. В. Бондарко, «когда речь идет о функциях, передающих соотношенность содержания предложения с действительностью с точки зрения говорящего (когда имеются в виду различные сочетания взаимодействующих морфологических, синтаксических и лексических, а в части случаев, также словообразовательных элементов), представляется более целесообразным говорить не о синтаксических категориях наклонения, времени и лица, а о функционально-семантических категориях — таких, как модальность, темпоральность, персональность» [4, с. 18]. По определению А. В. Бондарко, функционально-семантическая категория, имеющая план содержания и план выражения, представляет собой «систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций... План содержания — это во многих случаях «семантический потенциал», выявляющийся в системе дифференциальных семантических признаков. План выражения — это системно организованные грамматические средства» [4, с. 30]. Грамматическая категория рассматривается автором в составе более широких сфер — функционально-семантических полей, структура которых строится на выделении минимальных сфер функционального взаимодействия грамматических и неграмматических средств [3, 4].

Предметом нашего дальнейшего исследования будет функционально-семантическая категория залоговости в современном французском языке. Введение понятия залоговости является правоммерным, поскольку анализ категории залога не может сводиться к формальному определению субъектно-объектных отношений глагола. Связи межуровневых единиц оказывают влияние на развитие различных средств выражения залоговых отношений. Поэтому анализ грамматических форм залога должен сочетаться с анализом лексических и синтаксических явлений.

Список литературы: 1. Балли Ш. Французская стилистика. М., Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с. 2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы языка. М., Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с. 3. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971. 211 с. 4. Бондаренко А. В. Теория

морфологических категорий. Л., «Наука», 1976. 244 с. 5. Гулыга Е. В. Шендельс Е. Н. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., «Просвещение», 1969. 184 с. 6. Есперсен. О. Философия грамматики. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с. 7. Илин Л. И. Синтаксис современного французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1962. 366 с. 8. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., Изд-во Моск. ун-та, 1963. 58 с. 9. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945. 322 с. 10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1888. 535 с. 11. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. Киев, Изд-во Киев. ун-та, 1973. 140 с. 12. Сб. «Из трудов Шахматова по современному русскому языку». М., Учпедгиз, 1912. 272 с. 13. Brunot F. La pensée et la langue. P., 1890 p. 14. Damourette J. et Pichon Ed. Essai de grammaire de la langue française. (Des mots à la pensée) 7 volumes, P., 1911—1940.

Л. Я. СУВОРОВА

СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ГРУППЫ GOOD В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике понятие валентности часто трактуется как потенциальная сочетаемость языковых элементов. В структурно-вероятностном анализе под валентностью понимается не любая потенциальная комбинаторика двух элементов языка, а лишь избирательная их сочетаемость, т. е. существенно отклоняющаяся от фоновой либо в сторону превышения над последней, либо в сторону недостаточности по сравнению со средней величиной. В первом случае реализуется тяготение двух языковых элементов друг к другу, именуемое положительной валентностью, во втором случае — избегание, получающее знак отрицательный. Следовательно, при структурно-вероятностном понимании валентность, во-первых, получает знак, во-вторых, характеризуется количественной мерой, представляя собой частный случай вероятностного дифференциального признака [см. 1, с. 82].

Валентность есть факт языка и рассматривается на различных его уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и др.

Целью нашего исследования является рассмотрение синтаксических валентностей прилагательных группы *good*.

Объект исследования — ряд, состоящий из прилагательных *good, excellent, favourable, beneficial, honourable, honest, fine, nice*. Этот ряд отобран на основе тщательного анализа и сопоставления прилагательных по словарям синонимов и современным толковым словарям, изданным в Великобритании и США, т. е. сформирован на парадигматической оси.

Исследование проводилось на текстовом материале трех подъязыков: авторской речи, драмы (диалога) и общеполитического подъязыка. Анализу подверглись произведения 52 современных английских и американских авторов и 770 английских и американских газет. В ходе работы прилагательные распределены по подъязыкам следующим образом: в основную подгруппу подъязыков авторской речи и драмы (диалога) вошли *good, fine, nice, honest*, в основную подгруппу общеполитического подъязыка — *good, beneficial, favourable, excellent, honourable*. В дальнейшем отмеченными будем называть только прилагательные основных подгрупп, поскольку периферийные подгруппы в данной статье не рассматриваются.

Исследование прилагательных на синтаксическом уровне показало, что все они употребляются в предложении только в двух функциях: предикатива и определения. Однако, несмотря на это, а также на то, что названные прилагательные проявляют нулевую валентность к остальным функциям, они по-разному относятся и к двум функциям. Полученные нами данные коррелятивных функций (КФ) и интервалов вариаций коррелятивных функций (ИВКФ) всех отмеченных прилагательных в функциях определения по трем подъязыкам дают возможность со статистической достоверностью показать, что эти прилагательные безразличны к функции определения (КФ всех отмеченных прилагательных в функции определения в трех исследуемых подъязыках меньше единицы, а их ИВКФ находятся в нейтральной зоне). Что же касается отношения отмеченных прилагательных к функции предикатива, то здесь наблюдается или положительная валентность к ней (как у *good* в подъязыке драмы (диалога) с КФ, равной 6,11, и ИВКФ — $6,11 \pm 3,30$) или тенденция к положительной валентности к этой функции у всех отмеченных прилагательных, кроме *nice* в подъязыке драмы (диалога). КФ всех отмеченных прилагательных, кроме *nice* в этом подъязыке, больше единицы, а их ИВКФ или лежат в положительной зоне, или стремятся к ней при КФ, значительно большей единицы. У прилагательного *nice* в подъязыке драмы (диалога) не наблюдается валентности к функции предикатива (его КФ равна 0,9, а ИВКФ — $0,90 \pm 0,56$).

Как указывает Н. Д. Андреев, избирательная сочетаемость присутствует в лексике и синтаксисе любого языка. «Со статистико-комбинаторной точки зрения это означает, что для каждого типа (группы типов) можно выделить его ближайшее окружение, как некоторое словосочетательное поле, где действуют дополнительные закономерности, создающие набор отклонений условных вероятностей от независимых, а следовательно, и возможность алгоритмического извлечения информации об узлах системы речи» [11, с. 45].

Параллельно с исследованием отмеченных прилагательных на синтаксическом уровне велось изучение их окружения, т. е. семантически и синтаксически связанных с ними существительных на лексико-синтаксическом уровне. В настоящей статье рассмотрим лишь результаты исследования существительных на синтаксическом уровне. За независимую вероятность, которая представляет собой относительную частоту анализируемых лингвистических единиц в произвольном тексте, принимались синтаксические функции существительных, отобранных методом сплошной выборки (1000 из каждого подъязыка). Для подъязыков авторской речи и драмы (диалога) использовались произведения десяти современных английских и американских авторов (в равных объемах), для общеполитического подъязыка — десяти английских и американских газет 70-х годов. За условную вероятность (УВ), которая по теории структурно-вероятностного анализа представляет собой обобщенную встречаемость лингвистических единиц, связанную с определенным условием, принимались синтаксические функции существительных с отмеченными прилагательными. Полученные нами данные коррелятивных функций, представляющие собой отношение условной вероятности (УВ) синтаксических функций существительных с отмеченными прилагательными к независимой вероятности (НВ) синтаксических функций существительных, а также данные полученных интервалов вариаций коррелятивных функций дают возможность сделать выводы о наличии синтаксических валентностей у некоторых отмеченных прилагательных. Так, на уровне статистической достоверности можно сказать, что отмеченные прилагательные *good*, *fine*, *nice*, *honest* в подъязыке авторской речи имеют сильное тяготение, т. е. положительную валентность, к существительным-предикативам. (Их КФ соответственно: 3,89; 4,03; 5,42; 2,50, а ИВКФ $3,89 \pm 1,56$; $4,03 \pm 2,46$; $5,42 \pm 2,82$; $2,50 \pm 1,98$). Что же касается сочетаемости с существительными в функции определения в подъязыке авторской речи, то *good* и *nice* избегают существительные-определения, т. е. имеют отрицательную валентность к последним по КФ, равной 0,47 и ИВКФ — $0,47 \pm 0,18$, а сочетаемость прилагательного *nice* с существительными в функции определения безвалентная в этом подъязыке. На уровне гипотезы (по КФ большей, чем единица) можно говорить о тенденции отмеченных прилагательных к положительной валентности к существительным-подлежащим в подъязыке авторской речи и об отсутствии у них валентностных отношений с существительными-дополнениями и существительными-обстоятельствами. Одно лишь прилагательное *nice* в подъязыке авторской речи имеет отрицательную валентность к существительным-обстоятельствам. Его КФ равна 0,24, а ИВКФ — $0,24 \pm 0,15$.

В подъязыке драмы (диалога) эти же самые отмеченные прилагательные *good*, *fine*, *nice*, *honest* могут быть либо поло-

жительно, либо отрицательно валентны к существительному-предикативу. Так, *good*, у которого КФ равна 0,22, а ИВКФ— $0,22 \pm 0,5$, в этом подъязыке имеет отрицательную валентность к существительным-предикативам, а *nice* (КФ равна 2,33, а ИВКФ— $2,33 \pm 0,65$) — довольно сильное тяготение, т. е. положительную валентность к нему. Также положительно валентно к существительному-предикативу прилагательное *fine* в подъязыке драмы (диалога). Его КФ равна 2,14, а ИВКФ— $2,14 \pm 0,62$.

По-иному ведет себя прилагательное *good* в сочетаниях с существительными в общеполитическом подъязыке. Здесь оно проявляет сильное тяготение к существительным в функции обстоятельства. Об этом можно судить на уровне статистической достоверности по КФ, равной 5,34, и ИВКФ— $5,34 \pm 1,39$. Налицо сильная положительная валентность. У остальных отмеченных прилагательных (*honourable*, *excellent*, *favourable*) в этом подъязыке наблюдается безвалентная сочетаемость с существительными-подлежащими, существительными-дополнениями, существительными-обстоятельствами. Их КФ меньше единицы.

На уровне гипотезы по КФ, равной 5, и ИВКФ— $5,00 \pm 4,55$ можно говорить о тенденции тяготения прилагательного *excellent* в общеполитическом подъязыке к существительному-обстоятельству. Сильное тяготение к существительному-предикативу отмечено нами в общеполитическом подъязыке у прилагательного *good*. Его КФ равна 5,94, а ИВКФ $5,94 \pm 3,33$. Результаты исследования отмеченных прилагательных на синтаксическом уровне показали, что у них есть как избирательные сочетания, маркированные каким-то одним из двух полярных знаков, так и безразличные сочетания. Сопоставительный анализ маркированных отношений прилагательных и сочетающихся с ними существительных дает возможность установить, что у них общего в плане дальнейшего исследования их синонимии. Мы можем также сделать вывод о том, что на синтаксические валентности влияют не только внутрilingвистические, но и экстралингвистические факторы.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Структурно-вероятностная типология отношений между семантикой слова и его грамматическими категориями.— В кн.: Типология грамматических категорий. М., «Наука», 1975, с. 82.
2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967, с. 45.

ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ЕДИНИЦА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Проблемы грамматико-лексического поля (ГЛП) и использование его для различного рода лингвистических исследований, в частности, в качестве единицы сопоставительного анализа уже привлекали внимание языковедов [1, 2, 3, 6]. Как отмечалось нами ранее [5, 6], одним из важнейших атрибутов ГЛП, в отличие от других лингвистических категорий, является количественная характеристика. Именно она и предопределяет использование (ГЛП) в качестве единицы сопоставительного лингвистического анализа — ареального, стилистического и т. д. Благодаря количественному моменту полевая методика, которая дает возможность использовать ЭВМ и различные статистические приемы исследования, открывает широкие перспективы для функционально-стилистического изучения языка, так как позволяет обнаружить целый ряд особенностей, свидетельствующих о стилистически обусловленных расхождениях в функционировании тех или иных языковых элементов (грамматических, лексико-грамматических, чисто лексических и др.). Полученные в результате сопоставительного анализа данные дают представление о сходных и различительных характеристиках подсистем, а также могут подсказать возможные объяснения наблюдаемых явлений.

На основании количественной обработки данных, относящихся к различным функциональным стилям, Б. Н. Головин высказывает даже предположение о том, что «сами языковые стили — это не что иное, как основные типы функционирования структуры языка, обслуживающие различные стороны жизни и деятельности общества и отличающиеся друг от друга прежде всего вероятностными, т. е. количественными характеристиками одних и тех же элементов и участков языковой структуры» [4, с. 14].

Стабильные количественные характеристики, присущие любой функционально-стилистической подсистеме, проявляются в различных аспектах, что делает применение ГЛП плодотворным для сопоставительных исследований.

В данной статье мы рассматриваем функционирование компонентов грамматико-лексического микрополя будущего в английском языке в художественной прозе, прессе и подъязыке научной литературы. Напомним, что грамматико-лексическое микрополе (ГЛМП) будущего представляет собой сложное образование, которое включает обширную номенклатуру разнородных образований. Классификация компонентов основана

на присущей им степени абстракции в выражении данного инвариантного значения. В соответствии с этим принципом конститuenty ГЛМП будущего распределяются в направлении от ядра к периферии в следующей последовательности.

Ядро, представленное чисто грамматическими средствами передачи футуральности, включающими граммемы * the Future Non-Continuous Non-Perfect, the Future Continuous Non-Perfect, the Future Non-Continuous Perfect (прямые средства выражения будущего) и императив, сослагательное наклонение и транспонированный презент, в семантическую структуру которых входит сема будущего (непрямые компоненты).

Лексико-грамматический сектор, представленный десятью лексико-грамматическими конструкциями, ведущей из которых является «Going + инфинитив».

Периферийные, чисто лексические способы передачи данного инвариантного значения, к которым относятся: модальные глаголы и их эквиваленты (которые в сочетании с инфинитивом обозначают действие в будущем); глаголы с футуральной ориентацией; существительные с футуральной ориентацией; лексические индикаторы будущего времени (прилагательные, наречия и некоторые словосочетания соответствующей семантики, обозначающие понятие будущего своей основой).

Рассмотрим теперь, как изменяются количественные соотношения конститuentов ГЛМП при сопоставлении данных по трем указанным функциональным стилям. При сравнении выборок по художественной прозе и прессе мы оперировали данными четырех ареальных подсистем современного английского языка — британской, американской, канадской и австралийской.

Как показывают результаты исследования, воздействие стилистических особенностей на выбор средств выражения значения будущего и частотность их употребления имеет определенные, четко выраженные закономерности, которые в значительной мере стабильны и действуют во всех указанных региональных разновидностях английского языка.

Результаты количественного сопоставительного анализа микрополей свидетельствуют о том, что наиболее распространенными средствами выражения будущего времени в английском языке являются следующие (данные приводятся для четырех ареальных подсистем: британской (BE); американской (AE); канадской (CE) и австралийской (AuE) (см. с. 59).

Таким образом, на доминанту микрополя стиль произведения заметного влияния не оказывает. В прозе, равно как и в прессе, частотность использования the Future Non-Continuous Non-Perfect приблизительно одинакова (около 45% от

* Мы придерживаемся того толкования, которое термин *граммема* получил в [7].

Для художественной прозы

ВЕ	АЕ	СЕ	АнЕ
1. Доминанта the Future Non-Continuous Non-Perfect (53,16%)	Доминанта the Future Non-Continuous Non-Perfect (43,24%)	Доминанта the Future Non-Continuous Non-Perfect (38,9%)	Доминанта the Future Non-Continuous Non-Perfect (40,48%)
2. Модальные глаголы (14,56%)	Going+ инфинитив (13,6%)	Императив (19,44%)	Императив (17,68%)
3. Императив (11,8%)	Императив (12,68%)	Модальные глаголы (9,24%)	Модальные глаголы (16,64%)
4. Сослагательное наклонение (0,06%)	Модальные глаголы (10,52%)	Going+ инфинитив (6,32%)	Презент (в про- стых и главных предложениях) (4,7%)

Для прессы

ВЕ	АЕ	СЕ	АнЕ
1. Доминанта (45,1%)	Доминанта (47,3%)	Доминанта (49,8%)	Доминанта (41%)
2. Сослагательное наклонение (19,2%)	Модальные глаголы (15,1%)	Модальные глаголы (20,5%)	Модальные глаголы (27%)
3. Модальные глаголы (12,6%)	Сослагательное наклонение (14,2%)	Сослагательное наклонение (11,7%)	Императив (8,3%)
4. Глаголы с фу- тур. ориента- цией (6,7%)	Глаголы с футур. ориентацией (8,2%)	Глаголы с футур. ориентацией (7,3%)	Глаголы с футур. ориентацией (6%)

общего числа примеров). Употребительность повелительного наклонения в прозе в среднем в 6—7 раз выше, чем в прессе (в британской подсистеме, например, соотношение равно 11,8%:1,5%). Формы сослагательного наклонения, напротив, более характерны для прессы, где Subjunctive — одно из наиболее распространенных средств передачи футуральности. Частотность его употребления в этом функциональном стиле в 4—5 раз выше, чем в художественной прозе.

Конструкция «Going+инфинитив» более широко применяется в художественной прозе, чем в прессе. Этот контраст особенно разителен в английском языке США (16,6%:1,8%). Напомним, что в американской художественной прозе «Going+инфинитив» — второй по значению и употребительности компонент микрополя после the Future Non-Continuous Non-Perfect.

Другие грамматико-лексические конструкции также в большей степени являются принадлежностью прозы. Во всех ареалах их соотношение в соответствующих стилях составляет приблизительно 2:1. Интересно отметить, что лексические средства передачи футуральности, выступающие либо самостоятельно, либо в комбинации с грамматическими компонентами, имеют

более высокую частоту употребления в прессе. Это касается, прежде всего, модальных глаголов, которые в этом функциональном стиле являются самыми распространенными способами выражения данного понятия после доминанты микрополя. Разница особенно отчетливо заметна в канадской и австралийской подсистемах (9,2%:20,5% — СЕ; 16,6%:27% — АЕ). В британском и американском ареалах это различие менее выражено.

Такие чисто лексические компоненты ГЛМП, как глаголы и существительные с футуральной ориентацией также чаще встречаются в прессе, чем в художественной прозе. Существительные, например, имеют соотношения 0,68%:2,3 — ВЕ; 0,28%:1,9% — АЕ; 0,7:3,7% — СЕ; 0,48:1,6% — АЕ.

Таким образом, если мы, согласно принятой схеме, расположим компоненты ГЛМП согласно убыванию их удельного веса, то окажется, что во всех четырех ареальных подсистемах они (за незначительными отклонениями, которыми можно пренебречь) образуют следующую устойчивую последовательность:

Художественная проза

1. The Future Non-Continuous Non-Perfect;
2. Императив;
3. Модальные глаголы;
4. «Going + инфинитив» (кроме АЕ, где эта конструкция на втором месте).

Пресса

1. The Future Non-Continuous Non-Perfect;
2. Модальные глаголы;
3. Сослагательное наклонение;
4. Глаголы с футуральной ориентацией;
5. Императив.

Результаты нашего исследования дают также основание считать, что стиль оказывается важным фактором, обуславливающим характер сочетаемости и активность средств выражения футуральности при взаимодействии отдельных компонентов микрополя. Расположив их в порядке понижения сочетательной активности и разбив при этом на подгруппы, условно названные «обязательная сочетаемость», «сильная сочетаемость», «слабая сочетаемость» и «нулевая сочетаемость», мы обнаружили существенные расхождения при сопоставлении данных по двум функциональным стилям. Так, оказалось, что только две крайние (противоположные) подгруппы являются идентичными как в прозе, так и в прессе. С одной стороны — это группа, объединяющая элементы с максимальной активностью, которые практически не употребляются для выражения данного понятия самостоятельно («обязательная сочетаемость»), с другой стороны — это подгруппа средств, проявляющих «нулевую сочетаемость».

В заключение остановимся вкратце на некоторых особенностях функционирования конститuentов ГЛМП будущего в стиле научной прозы. Этот вопрос рассматривается отдельно ввиду отсутствия ареальных данных, ибо мы располагаем пока что

фактическим материалом лишь по британской подсистеме английского языка. Анализ выборки объемом около 800 страниц свидетельствует о том, что подъязык научной прозы проявляет большее своеобразие в выборе и частотности компонентов ГЛМП будущего по сравнению с художественной прозой и прессой. Это выражается прежде всего в относительной малочисленности средств передачи футуральности, что объясняется характером информации, передаваемой данным функциональным стилем. Как правило, это изложение уже полученных научных результатов, сообщение о проделанном ранее и значительно реже — высказывание научных гипотез и предположений.

Кроме того, анализ имеющихся примеров свидетельствует о явном предпочтении в научной прозе чисто лексических средств выражения данного понятия, что находится в полном противоречии с двумя первыми функциональными подъязыками, где грамматические компоненты являются преобладающими.

Следует отметить, что применительно к научной прозе есть основания говорить о смещении доминанты микрополя. В то время, как в художественной прозе и прессе граммема *the Future Non-Continuous Non-Perfect* является доминирующей в количественном отношении (что верно для всех четырех рассмотренных региональных подсистем), в подъязыке научной прозы ее использование составляет лишь 33,36%. Примечательно, что более высокий показатель (35,36%) наблюдается здесь у модальных глаголов, которые в этом функциональном стиле выступают как самый распространенный компонент ГЛМП, т. е. как его доминанта.

Далее в порядке понижения частотности следуют лексические индикаторы будущего времени (прилагательные и наречия типа *further, future, forthcoming, soon, next* и др.) — 8,73%; глаголы с футуральной ориентацией (в основном «*want*») — 6,75% и существительные с футуральной ориентацией — 3,6%.

Из грамматических элементов, кроме *the Future Non-Continuous Non-Perfect*, встречаются лишь в настоящее время в придаточных предложениях времени и условия (как правило, в комбинации с *the Future Non-Continuous Non-Perfect* в главном предложении) — 5,07%, а также императив (в основном предложения типа «*Let us examine the following figures*») — 3,94%. Остальные грамматические компоненты ГЛМП будущего в нашей выборке отсутствуют. Конструкция «*Going* + инфинитив» встретила нам лишь один раз. Удельный вес других грамматико-лексических конструкций составляет 2,5%.

Разумеется, малый объем выборки в стиле научной прозы позволяет нам говорить лишь о некоторых тенденциях в употреблении конstituентов ГЛМП будущего. Эта проблема, несомненно, нуждается в дополнительном изучении. В целом же полученные в результате сопоставительного анализа данные по-

звolyют сделать вывод о примате стилистических различий над региональными в функционировании компонентов грамматико-лексического микрополя будущего времени в современном английском языке.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971. 2. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике. — «Вопросы языкознания», 1972, № 3. 3. Щур Г. С. О соотношении системы и поля в языке. — В кн.: Проблемы языкознания (Доклады и сообщения на 10 международном конгрессе лингвистов), М., «Наука», 1967. 4. Головин Б. Н. Язык и статистика. «Просвещение», М., 1971. с. 312. 5. Тарасова О. В. До характеристики граматико-лексичного поля майбутнього в сучасній англійській мові. — «Вісн. Харк. ун-ту», № 98, Сер. «Іноземні мови», вип. 6, 1973, с. 54—57. 6. Тарасова О. В. Про використання понять «поле» і «модель» при дослідженні ареальних підсистем мови. — В кн.: Питання романо-германської філології та методики викладання іноземних мов, Радянська школа, Київ, № 74, с. 141—148. 7. Khaimovich B. C., Rogovskaya V. I. A Course in English Grammar, Moscow, 1967.

Т. М. ТИМОШЕНКОВА

ИМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ С ПРЕДИКАТИВОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИМ ИСПОЛНИТЕЛЯ ДЕЙСТВИЯ

Разноструктурные синонимы на уровне предложения представлены различными конструкциями с предикативным ядром, выраженным глагольными или именными средствами. В каждом случае выбор конструкции определяется условиями лингвистического и ситуативного контекста, так как будучи соотнесены с одним денотатом той или иной экстралингвистической ситуацией, эти конструкции не являются тем не менее полными аналогами и описывают данную экстралингвистическую ситуацию под разными углами зрения.

Объектом наших наблюдений являются именные конструкции, включающие в качестве предикатива имена лиц, образованные от глаголов путем деривации и обозначающие исполнителя действия (*nomina agentis*). Эти конструкции описываются моделью $N_1 - V_{\text{cop}} - N_2$ и синонимически коррелируются с глагольными предложениями модели ($N_1 - V_{\text{fin}} - N_2$).

При этом глагольные конструкции указывают на сам факт совершения или несовершения действия или характер его выполнения, именные конструкции относят исполнителя действия к той или иной категории лиц, для которых данное действие является временным или постоянным признаком. Другими словами, в первом и во втором случае — налицо разные углы зрения, под которыми описывается одна и та же экстралингвистическая ситуация: *Beggars are not choosers* [2, с. 515]. *Those who beg do not choose*. *He was no smoker* [8, с. 112]. *He did not smoke*.

Существительные, выступающие в этих конструкциях в роли предикатива, образуются от глаголов, обозначающих конкрет-

ные физические действия (applaud, attack, beat, bend, crush, sweep, chase, eat); от глаголов, значение которых связано с умственной деятельностью человека (study, read, analyse, count, discover); от глаголов, включающих сему «говорения» (question, speak, tell, recite, talk, confess, declare, inform, debate, discuss); от глаголов, обозначающих различные виды человеческой деятельности (arbitrate, bargain, command, campaign, civilize, cure, consult); от глаголов, характеризующих отношения между людьми в самом широком смысле (aid, allow, appeal, assist, avenge, challenge, cheer, rescue, supervise); от глаголов с широким абстрактным значением (connect, consolidate, try, use, attempt, continue, do).

Существительные этого разряда образуются от глаголов с помощью следующих суффиксов (в порядке убывающей частотности): -er; -or; -ant; -ent; -ist; -man; -ar; -ee.

Существительные, образованные от глаголов, обозначающих временные или однократные действия, в функции предикатива создают акциональные предложения: *Barbara was both rescuer and rescued* [3, с. 10]. *But young women whose exchequers are in a parlous condition cannot be choosers* [4, с. 106].

Появление семы повторяемости действия при регулярных реализациях модели такого предложения за счет модификации ее именного или глагольного компонента не меняет акционального характера предложения: ... *Hehersett had started becoming a regular visitor to her home* [3, с. 24].

Существительные, образованные от глаголов, которые в зависимости от различных контекстуальных условий могут обозначать временные или постоянные действия, становятся предикативами акциональных предложений (в случае временного или однократного действия) или предложений характеристики: а) качественной; б) по признаку профессиональной принадлежности или занимаемого положения.

Характер предикатива, а следовательно, и всего предложения, меняется в случае, если общий смысл контекста или какие-либо формальные индикаторы указывают на то, что действие, производимое субъектом, является его профессиональным занятием или постоянной характерной чертой.

A majority of the men who had witnessed the making of the bet decided in his favor, whereas the odds went up to three to one against Buck. There were no takers [5, с. 78]. (Акциональное предложение).

«*You are a giver, Jon; she is a taker*» [8, с. 207].

(Квалифицирующее предложение со значением качественной характеристики лица). Употребление неопределенного артикля является формальным грамматическим индикатором квалифицирующего характера предикатива.

Robin Stone had been booked as guest speaker [4, с. 141]. (Акциональное предложение). *Only four members of the House*

of Commons have reserved seats. One, of course, is the Speaker [Hornby, 6, с. 11]. (Квалифицирующее предложение).

Весь смысл контекста указывает на то, что в данном случае существительное Speaker называет положение, должность характеризуемого лица.

Номинализация более, чем одного значения полисемантического глагола также может давать в результате существительные разного категориального характера: teller — рассказчик (акциональность); teller — банковский служащий (характеризация по признаку профессиональной принадлежности).

Характер предикатива именной конструкции может изменяться за счет модификации именного компонента: He was my fellow traveller (акциональность). Your master was a great traveller in his day [7, с. 120] (качественная характеристика). I was the commercial traveller coming home [3, с. 67] (характеризация по признаку профессиональной принадлежности).

Существительное — предикатив может приобретать характер качественной оценки при метафоризации значения исходного глагола: climber — альпинист (акциональность); climber — честолюбец (качественная характеристика).

Из приведенных примеров видно, что модель номинального предложения ($N_1 - V_{\text{cop}} - N_v$) также полифункциональна, как и модель глагольного ($N_1 - V_{\text{fin}} - (N_2)$), и в зависимости от лексического наполнения может давать как акциональные предложения, так и предложения характеристики.

Глагольные и номинальные типы предложений образуют в функциональном синтаксисе языка перифрастические ряды, ситуативно равнозначные друг другу, представляя своего рода эквиполентную оппозицию структур, описывающих одно явление действительности в разных направлениях [1, с. 84]. Коммуникативно-стилистическая целесообразность распределения содержания между возможным и конструктивными средствами каждый раз подсказывает отбор тех или иных языковых единиц в зависимости от контекста. При соотнесенности с одним денотатом глагольные и номинальные типы предложений отличаются своим сигнификативным содержанием [ситуация по-разному осмысливается говорящим], а также в плане их коннотаций. Номинальные предложения зачастую экспрессивнее глагольных уже за счет того, что какое-либо действие мыслится как признак субъекта: Lady Julia may be a gambler. She is not a thief [7, с. 97].

Источником экспрессивности номинальных предложений служат валентностные связи существительных: Why do you think you got the Nobel Prize? Because you are the leading idealistic literary creator on earth? [2, с. 390].

Поэтому номинальные конструкции могут передавать такие оттенки содержания, которые не выражаются в глагольных предложениях.

Список литературы: 1. Григораш Г. Ф. Лексические конверсивы предложений состояния. — В кн.: Исследования по романской и германской филологии, Киев, Вища школа, 1975, с. 83—87. 2. Wallace J. The Prize. A four square Book, 1967, 704 с. 3. Braine J. Life at the Top. Penguin Books, 1965. 255 с. 4. Christie A. The Listerdale Mystery. Fontana Books, 1967. 192 с. 5. London J. The Call of the Wild, White Fang. M., Progress Publishers, 1973. 278 с. 6. A Book of England. Leningrad, 1963. 411 с. 7. Christie A. Murder in the Mews, London, Pan Books, 1976. 190 с. 8. Galsworthy J. The Forsyte Sage. In Chancery. M., Progress Publishers, 1975. 278 с.

Р. Г. ТКАЧЕНКО

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОМПОНЕНТОВ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ (СТРУКТУРА ВВОДА И ЕГО ДИНАМИКА)

Синтаксическая конструкция прямой речи — особая грамматическая структура, своеобразие которой (наличие двух текстуально сопряженных предикативных центров и особый тип коммуникативности — транскоммунитивность) создается отношениями между ее компонентами: авторским вводом и прямым высказыванием [2, 3]. Характер каждого из этих компонентов, их структура, вариативность расположения относительно друг друга, зависимость структуры от расположения — мало разработанная область лингвистики, представляющая интерес для исследователя.

В настоящей статье рассматриваются структурные типы одного из компонентов синтаксической конструкции прямой речи — авторского ввода и его динамика на протяжении XVIII, XIX и XX столетий.

Изучение структурных типов авторского ввода целесообразно начать с установления его функции. Не отрицая широко распространенного мнения о том, что назначением этого компонента является указание на то, кем и когда было произнесено прямое высказывание, мы считаем, что в системе синтаксической конструкции прямой речи, как образования с двумя предикативными центрами, основной функцией авторского ввода является указание той точки на системе координат, в которой находится предикативный центр прямого высказывания [2, с. 47].

В функции авторского ввода могут также входить характеристика говорящего, указание на лицо, к которому обращена речь, сообщение о манере произнесения речи, о различных обстоятельствах, сопровождающих речевой акт, о действиях, предшествующих говорению, следующих за ним или происходящих одновременно с ним:

«You bet your life», Mr Golspie, earnest and unabashed asked her (J. Priestley. *Angel Pavement*).

«It's the button, Father», Mary told him calmly (A. Cronin. *The Citadel*).

«I think we had better», she said and then hesitated with a certain air of embarrassment (A. Huxley. *Crome Yellow*).

Этот комплекс функций в значительной степени предопределяет структурные типы авторского ввода, который по своей структуре может быть представлен простым нераспространенным предложением, распространенным предложением с одним или несколькими второстепенными членами, сложным предложением.

Авторские вводы, состав которых ограничен подлежащим и сказуемым, мы будем называть **простыми** (said Ann he asked), авторские вводы с второстепенными членами — **осложненными** (Jane asked her then), авторские вводы, представленные сложными предложениями любого типа — **сложными** (said Bob when I opened the letter, she whispered and Ann stopped).

Несмотря на такое многообразие структурной организации и на то, что авторские вводы могут достигать значительной сложности (насчитывать несколько придаточных, содержать элементы сочинения и подчинения, включать элементы вводного и вставочного характера) *, статистический анализ 1200 синтаксических конструкций прямой речи в произведениях современных английских писателей показывает, что доминирующей структурной моделью является простой авторский ввод. Он отмечен в 64% случаев, осложненный авторский ввод в 26%, сложный в 10% случаев.

Установленное соотношение различных структурных типов авторских вводов распределяется без учета их позиционных вариантов. Но при дифференцированном подходе к характеристике авторского ввода с учетом его положения в синтаксической конструкции прямой речи относительно прямого высказывания обнаруживается зависимость его структурной характеристики от позиции. Установленные закономерности распространяются при дифференцированном подходе лишь на интерпозицию и постпозицию, где доминирующей моделью является простой авторский ввод (54% и 68%). В препозитивном авторском вводе доминирует осложненный авторский ввод, который употребляется в половине исследованных случаев (49%). Простой и сложный авторские препозитивные вводы встретились в нашей выборке в 26% и 24% случаев соответственно.

* «That's' ospital», she said into his ear, and the three dreadful syllables reached his brain, bringing back to him the drunken image of the old shrill Mrs Mather who, so Mum had told Dad, had been shovelled in there like coal after they had taken the white jug handle from her clehched hand (A. Sillitoe. *Key to the Door*).

Сравнение приведенных данных с данными, полученными в результате анализа структуры авторского ввода в произведениях XVIII и XIX столетий, показывает, что в современном английском языке удельный вес простых авторских вводов на 17% больше, а сложных на 10% меньше (см. табл. 1).

Таблица 1

Столетие	Структурный тип авторского ввода		
	Простой	Осложненный	Сложный
XVIII	47%	32%	21%
XIX	47%	31%	22%
XX	64%	26%	10%

Представляет интерес динамика авторского ввода на фоне общих сдвигов в синтаксической структуре предложения. По данным Н. В. Кравчук и Э. Г. Паповянец [1; 4], на протяжении XIX и XX столетий в качестве живого синтаксического процесса выступает сокращение числа сложных предложений и соответственное увеличение числа и усложнение структуры простых предложений. Анализ показывает, что применительно к авторскому вводу эти наблюдения справедливы лишь частично, как явствует из сопоставительной таблицы 2. Данные, относящиеся к распределению предложений в авторском повествовании, взяты из работы Н. В. Кравчук [1, с. 10].

Таблица 2

Столетие	Простые предложения, %		Сложные предложения, %	
	Авторское повествование	Ввод	Авторское повествование	Ввод
XIX	31,9	78	68,1	22
XX	47,1	90	52,2	10

Таким образом, и в авторском вводе, и в структуре предложения в целом наблюдается сокращение числа сложных предложений. Но, если для предложения в целом этот процесс сопровождается компенсирующим усложнением структуры простого предложения, то для авторского ввода оно не характерно. Наблюдается обратное явление: упрощение структуры авторского ввода за счет увеличения числа простых авторских вводов.

Установленное соотношение различных структурных типов авторского ввода относится к письменной речи. Анализ синтак-

сической конструкции прямой речи, полученный на основании речи информантов, показал, что употребительность простого авторского ввода в устной речи гораздо выше и составляет 85%.

Изложенные факты дают основание и для определенных теоретических выводов. Значительное преобладание простого авторского ввода и факультативность различных второстепенных элементов объясняются, вероятно, функциональной достаточностью простого авторского ввода, ибо для того, чтобы выполнить свою функцию — указание той точки в системе координат, в которой находится предикативный центр прямого высказывания, — этому компоненту синтаксической конструкции прямой речи достаточно иметь в своем составе только подлежащее и сказуемое, так как именно с их помощью устанавливаются темпоральные, персональные и модальные показатели предикативности прямого высказывания. Возможно также, что преобладание простого авторского ввода в составе синтаксической конструкции прямой речи приобрело характер формального маркера этого синтаксического образования. Различия же в динамике авторского ввода и предложения в целом являются дополнительным доказательством специфического характера синтаксической конструкции прямой речи и отличия ее от смежных структур.

Список литературы: 1. *Кравчук Н. В.* Взаимодействие количественного и качественного аспектов в структуре предложения английского языка. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1972. 28 с. 2. *Муха Р. Г.* К вопросу о прямой речи. — «Учен. зап. КХПИИЯ», 1959, т. 5, с. 9—11. 3. *Муха Р. Г., Хаймович Б. С.* Предикативная и коммуникативная характеристика прямой речи. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1973, № 98: Сер. «Иностр. языки», вып. 6, с. 45—49. 4. *Паповяц Э. Г.* Квантитативные параметры сложного предложения. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1975, № 128: Сер. «Иностр. языки», вып. 8, с. 102—105.

Р. Г. ТКАЧЕНКО, Л. П. ФЕЩЕНКО

СИТУАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИКИ

Необходимость обучения практическому курсу иностранного языка с помощью так называемых ситуативных приемов выдвигается большинством современных методистов [1, 2, 3] в качестве одного из методических постулатов. Однако теория ситуативного обучения разработана недостаточно. Определение учебной ситуации варьируется в очень больших пределах: «искусственная языковая среда», «взятые в объективном виде отношения между говорящим и предметами», «взаимоотношение вербальных и предметных отношений», «поле, определяемое через содержание (объект) речи» [1, с. 55], «модель таких жизненных ситуаций, в которых учащиеся много и охотно говорят» [3, с. 48].

Неопределенность исходной позиции сказывается и на практическом применении ситуативных упражнений, установлении их типов и разработке конкретных рекомендаций по использованию ситуации на различных этапах обучения. Данная статья представляет собой обобщение опыта работы, накопленного в процессе занятий по практической грамматике английского языка на младших курсах факультета иностранных языков.

Не имея возможности обстоятельно полемизировать с другими методистами по поводу различных толкований речевой ситуации, укажем, что мы исходим из следующих ее признаков:

- 1) речевая ситуация связана с жизненным опытом учащихся;
- 2) речевая ситуация динамична и стимулирует речевую активность. В работе над ситуативными упражнениями мы используем материал из отечественных и зарубежных пособий [4, 5, 6, 7].

Основой ситуативных упражнений для отработки модели (назовем ее контролируемой моделью (КМ)) служат короткие учебные тексты с описанием определенной жизненной ситуации (эпизоды) и картинки, которые могут использоваться в качестве иллюстраций к эпизодам или базы для самостоятельных ситуативных упражнений. Для введения определенной или нескольких связанных КМ мы используем набор эпизодов, ситуативных упражнений и картинок, объединенных в одну учебную единицу (Unit). Обычно Unit рассчитана на 45 минут и включает 2—3 эпизода, 1—2 картинки и собственно ситуативные упражнения.

Работа над практической грамматикой в условиях специального вуза имеет свою специфику, которая заключается в том, что ситуативные упражнения тесным образом переплетаются с иными, не чисто коммуникативными видами учебной деятельности. Опыт показывает, что лучших результатов можно добиться при соблюдении следующих условий: 1. Работе над Unit предшествуют доситуативные упражнения, в основном имитационного характера, рассчитанные на усвоение лексического и фонетического материала, содержащегося в учебной единице. 2. На определенном этапе ситуативные упражнения должны чередоваться с другими видами работы, — главным образом, тренировочными упражнениями на выработку беглости в употреблении КМ.

3. После завершения ситуативных упражнений следует послеситуативный этап — студентам предлагается выделить закономерности в построении КМ, ознакомиться с правилом, подобрать свои примеры из художественных произведений, выучить наизусть один из текстов, которым преподаватель пользовался при ситуативных упражнениях или в целях педагогизации учебного процесса, составить контрольную работу на проверку усвоения данной КМ, или подобрать картинки, которые могут быть использованы для аналогичных ситуативных упражнений.

Используемые нами ситуативные упражнения можно классифицировать по ряду признаков. 1. По способу введения: слуховые (введенные преподавателем или с помощью ТСО); визуальные, а) текстовые, б) графические (изображенные в книге, спроектированные на экран, схематически нарисованные преподавателем на доске). 2. По характеру организации учащихся: диалог с преподавателем; беседа в парах; общая беседа; «прессконференция», вопросы студентов к одному студенту) и др. 3. По характеру заданной речевой деятельности: ответы на вопросы, относящиеся к определенной ситуации; постановка собственных вопросов*, завершение или опровержение утверждений преподавателя; завершение рассказа преподавателя; описание внешности персонажей и сообщение сведений о них; мотивизация деятельности персонажей; драматизация эпизода; «гипотетические» вопросы; описание аналогичной ситуации из жизни студентов; мотивизация собственной деятельности в аналогичной ситуации. 4. По цели введения: для введения КМ; для иллюстрации КМ; для закрепления КМ; для создания необходимых условий для речевых интенций, стимулирующих естественную речевую деятельность студентов; для включения КМ в живое общение.

В зависимости от целей ситуативных упражнений меняется характер самих упражнений и текстов, на которых они базируются.

Проследим на конкретном примере последовательность различных видов ситуативных упражнений в учебной единице с КМ. Упражнения с глаголом-сказуемым в Past Indefinite проводятся на втором месяце обучения первокурсников грамматике.

Занятие начинается с доситуативного этапа, во время которого студенты прослушивают (желательно в магнитофонной записи) эпизод, вводящий КМ, а затем повторяют хором и индивидуально предложения с КМ. На этом же этапе преподавателю целесообразно дать объяснение некоторых слов или выражений, которые могут вызвать затруднение при работе с данной Unit. После этого начинаются собственно ситуативные упражнения, которые проводятся в несколько этапов.

Первый этап. Цель: введение КМ; способ введения: слуховой; характер организации учащихся: диалог с преподавателем, общая беседа; характер заданной речевой деятельности: ответы на вопросы, постановка «направляемых» вопросов. Ситуативное упражнение: Ann is a student of a Teacher's Training Institute. Every morning exactly the same thing happens. She gets up

* Эти виды работы могут выполняться студентами самостоятельно или направляться преподавателем. Например: задайте вопрос, почему Том опоздал на поезд, и ответьте на него; узнайте, где Том купил эти книги, и расскажите мне и т. д.

at 6.30, does her morning exercises, washes and has her breakfast at 7. She comes to the Institute at 8 o'clock. It is 11 o'clock now. Ann is at the Institute.

В процессе обсуждения ситуации студентам было предложено ответить на ряд вопросов и задать их: 1. What time is it in the situation? 2. Ask me when Ann came to the Institute. 3. It is 11 o'clock now. She got up at 6.30. Can you ask and answer a question about it with «How long ago?». 4. She is at the Institute now and she came there at 8. Ask two questions about it with: a) When? b) How long ago? and answer them.

Второй этап. Цель: иллюстрация КМ; способ введения: слуховой; характер организации учащихся: диалог с преподавателем, общая беседа; характер заданной речевой деятельности: ответы на вопросы, постановка собственных вопросов.

Студентам демонстрируются две картинки. На одной изображен читальный зал за несколько минут до закрытия. Тут читатели, библиотекари и т. д. На другой — тот же читальный зал после закрытия. Демонстрация картинок сопровождается следующими текстами: Picture 1. This is a college library. It is open from 10 to 6.30 six days a week. It is 6.20 now and the library is closing. The librarians are putting the books back on the shelves. Picture 2. The library was closed half an hour ago. It is 7 now. The library is empty. The students left an hour ago.

После того как студенты прослушали текст, преподаватель предлагает ответить на вопросы: When was the library open? What are the students doing? What else is happening? What is the difference between Picture 1 and Picture 2? поставить «управляемые» вопросы и ответить на них: Ask and answer when the students left and why. Ask the same questions about the librarians.

Исправить неправильные утверждения преподавателя:

The head librarian is still here, isn't he?

The head librarian is still here, isn't he?

Третий этап. Цель: тренировка употребления КМ; способ введения: слуховой; характер организации учащихся: беседа в парах; характер заданной деятельности: постановка собственных вопросов.

Студентам было предложено, работая в парах, задать десять вопросов по ключевым словам двух обсуждавшихся ситуаций и ответить на них:

1. Where/Ann
2. When/Institute
3. How long ago/breakfast
4. When/close
5. When/open
6. How long ago/students

После этого упражнения полезно организовать тренировку в употреблении КМ на ином лексическом материале.

Четвертый этап. Цель: стимулирование естественной речевой деятельности студентов; способ введения: устный; характер организации учащихся: диалог с преподавателем; характер заданной деятельности: завершение рассказа преподавателя.

Пятый этап. Цель: введение КМ в живое общение; способ введения: визуальный; характер организации учащихся: беседа с преподавателем, беседа по парам; характер заданной речевой деятельности: связные высказывания, содержащие предложения о действиях персонажей.

Рассмотренные упражнения лишь часть возможных примеров работы над грамматикой с использованием ситуаций. Опыт показывает, что прочность усвоения определенных грамматических моделей прямо зависит от числа и разнообразия использованных ситуативных упражнений, повышает интерес к изучению языка и вооружает будущих учителей эффективными приемами работы. Уровень владения как устной, так и письменной речью (что подтверждает анализ письменных работ на протяжении учебного года), особенно ее более естественный характер, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования работы с речевыми ситуациями.

Список литературы: 1. Пасов Е. И. Ситуация, тема, социальный контекст. — «Иностранные языки в школе», 1975, № 1, с. 54—59. 2. Сахарова Т. Е. Проблема ситуации при обучении диалогической речи. — В кн.: Вопросы методики преподавания иностранных языков. Тула, 1967, с. 130—142. 3. Матеевская Е. И. Учебно-речевые ситуации (УРС) в обучении иностранным языкам. — «Иностранные языки в школе», 1974, № 6, с. 47—52. 4. Зверева Е. Н., Эбер И. Г. «Brush up Your Grammar». М., «Просвещение», 1965, 80 с. 5. O'Neil K. et al. *Kernel Lessons Intermediate*. London, Longman, 1972. 152 p. 6. Dubrovina N. I. *Situational Grammar*. Moscow, Prosveshchenie, 1974, 207 p. 7. O'Neil K. *English in Situations*. London, Oxford University Press, 1970. 200 p.

Н. Ю. ФИЛИНА

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ МОДЕЛИ ИНФИНИТИВА И ГЕРУНДИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время лингвисты уделяют все более пристальное внимание вопросу сосуществования в английском языке двух нелинейных форм глагола — инфинитива и герундия. Одним из аспектов данной проблемы является изучение употребления инфинитива и герундия в различных синтаксических функциях. В ряде монографий [1] и диссертациях [2, 3, 4, 5, 6] имеется подробное описание форм, значений инфинитива и герундия в той или иной синтаксической функции, их связей с другими членами предложения, и частично, с другими частями речи, однако нет моделей, иллюстрирующих лево- и право-

сторонние связи этих нелинейных форм глагола с другими частями речи. Отдельные структурные модели находим в диссертации Фадеевой И. Д. [6], однако они отражают связи только инфинитива в функции определения.

Проанализировав шесть тысяч примеров из современной британской, американской и австралийской прозы, мы выделили модели (отдельно для каждой из двух исследуемых неличных форм глагола в различных синтаксических функциях), показывающие лево- и правосторонние связи инфинитива и герундия с другими частями речи. Также были выделены модели, общие для инфинитива и герундия (отдельно по каждой синтаксической функции). Необходимо отметить, что выделенные модели характерны для всех исследуемых вариантов современного английского языка — американского, британского и австралийского, что свидетельствует о внутреннем единстве языка и обнаруживает глубинное организационное единство грамматического строя. Отличие же, в основном, заключается в частотности употребления той или иной модели.

В данной статье мы хотим показать модели, в которых инфинитив и герундий имеют одинаковое правостороннее окружение (левостороннее окружение будет различным в зависимости от функции, в которой употреблена та или иная неличная форма глагола, и от самой неличной формы):

... Inf (Ger) +	{	1. N
		2. N+N
		3. N+Prep+N
		4. Prep+N
		5. Prep+N+Prep+N
		6. Adv
		7. Adj
		8. Sub. clause

Следует также отметить, что приведенные модели отражают наиболее типичные правосторонние связи инфинитива и герундия с другими частями речи почти для каждой синтаксической функции, в которой употребляются эти две неличные формы глагола. Характерной для многих функций является также модель, где инфинитив и герундий не имеют правостороннего окружения, а реализуют только левосторонние связи. Проиллюстрируем это примерами.

Модель 1. ... Inf (Ger) +N. Для инфинитива и герундия в функции подлежащего эта модель будет следующей: Inf (Ger) +N. Как видим, здесь не реализована левосторонняя связь, хотя герундий и может иметь при себе слева имя существительное в притяжательном падеже или притяжательное местоимение: N_{poss} + Ger + N.

e. g. Thirty-five years had passed since he was an office-boy, like Stanley, but a trifle smaller and younger, he was a boy from a poor home; and in these days a clerkship in the City still meant something; cashiers and chief clerks still wore silk hats, and **to occupy** a safe stool and **receive** your hundred and fifty a year was to have arrived (J. B. Priestley). Mor knew that **keeping** order was a gift of nature, but he could not despise Prewett a little all the same (I. Mudroch).

Для инфинитива и герундия в функции определения модель 1 будет иметь вид:

$$\begin{aligned} &N + \text{Inf} + N, \\ &N + \text{Prep} + \text{Ger} + N, \end{aligned}$$

e. g. Failure **to answer** this question will preclude employment (Ph. Bonosky).

There were sensational rumours about this gold being found in the Yilgarn Hills, and men with the gold fever on them, took to the track, spending sometimes a month footslogging and camping by the way, rather than brook any delay in their chance of **picking up** a fortune (K. S. Prichard).

Для инфинитива и герундия в функции предикативного компонента модель 1 будет иметь вид: $\text{be} + \text{Inf} (\text{Ger}) + N$, e. g. Is that **being** a help? (Ph. Bonosky). Well, the first thing is **to get** our proofs (W. S. Maugham).

Кроме того, инфинитив в данной функции может иметь левостороннюю связь с модальными глаголами и фразеологическими сочетаниями типа *had better*, *would rather*, *would sooner*, *be going*, *used*, что показано в моделях: $V_{\text{mod}} + \text{Inf} + N$, e. g. I think he must **have read** the verse of these young men who were making so great a stir in the world, and I fancy he found it poor stuff (W. S. Maugham);

$$\text{used} + \text{to} - \text{Inf} + N,$$

e. g. «You remember how poor Liffey **used to hate** this hot weather»; said Mor. (I. Murdoch);

$$\text{be going} + \text{to} - \text{Inf} + N,$$

e. g. I'm going **to get** a doctor (D. Cusack);

$$\text{had better} + \text{Inf} + N,$$

e. g. Well, I'll tell you: you'd better **make** money (T. Capote);

$$\text{would sooner/rather} + \text{Inf} + N,$$

e. g. I'd sooner **kill** myself (W. S. Maugham).

Для функции расширения (extension)* эта модель будет иметь вид

$$\begin{aligned} &\text{Adj} + \text{Inf} + N, \\ &\text{Adj} + \text{Prep} + \text{Ger} + N, \end{aligned}$$

* Расширение (extension) — адъюнкт прилагательного, наречия и т. д. [см. 7].

e. g. But although it was obvious before long that several men were anxious to **befriend** Mrs. Brierly, Frisco was not among them (K. S. Prichard). But the fear of not being able to carry it through effectively has always made me shy of **assuming** the moral attitude (W. S. Maugham).

Для функции объектного дополнения модель 1 будет иметь вид

$V + Inf + N$.

У герундия может быть две модели, в зависимости от того, в функции прямого или предложного дополнения он находится:

$V + Ger + N$ (прямое дополнение),

$V + Prep + Ger + N$ (предложное дополнение),

e. g. He felt he wanted to **laugh** and **make** ridiculous noises like Chilla (D. Cusack) (инфинитив to laugh относится к модели $V + Inf$, в которой правосторонняя связь не реализуется).

On the way he tried **making** conversations, casting glances at her (Ph. Bonosky). Mr. Dersingham had often said to Mr. Smeeth, and Mr. Smeeth had often said to Mr. Dersingham, that what Goath didn't know about **selling** inlays and veneers and the like was not worth knowing (J. B. Priestley).

Модель 2

$...Inf (Ger) + N + N$.

Функция определения:

$N + Inf + N + N$,

$N + Prep + Ger + N + N$.

Функция предикативного компонента: $V_{mod} + Inf + N + N$ (для герундия в функции предикативного компонента эта модель не характерна).

Модель 3:

$...Inf (Ger) + N + Prep + N$.

Функция определения:

$N + Inf + N + Prep + N$,

$N + Prep + Ger + N + Prep + N$.

Функция дополнения:

$V + Inf + N + Prep + N$,

$V + Prep + Ger + N + Prep + N$.

Функция расширения:

$Adj + Inf + N + Prep + N$,

$Adj + Prep + Ger + N + Prep + N$.

Функция предикативного компонента:

$be + Inf (Ger) + N + Prep + N$,

$V_{mod} + Inf + N + Prep + N$,

$be\ going + to + Inf + N + Prep + N$,

it's like + Ger + N + Prep + N.

Модель 4:

...Inf (Ger) + Prep + N.

Функция подлежащего:

Inf (Ger) + Prep + N.

Функция определения:

N + Inf + Prep + N,
N + Prep + Ger + Prep + N.

Функция дополнения:

V + Inf (Ger) + Prep + N,
V + Prep + Ger + Prep + N.

Функция расширения:

Adj + Inf + Prep + N,
Adj + Prep + Ger + Prep + N.

Функция предикативного компонента:

V_{mod} + Inf + Prep + N,
used + to-Inf + Prep + N,
be going + to-Inf + Prep + N,
would sooner + Inf + Prep + N,
it's like + Ger + Prep + N.

Модель 5:

...Inf (Ger) + Prep + N + Prep + N.

Функция определения:

N + Prep + Ger + Prep + N + Prep + N.

Функция предикативного компонента:

be + Prep + Ger + Prep + N + Prep + N,
V_{mod} + Inf + Prep + N + Prep + N,
used + to-Inf + Prep + N + Prep + N.

Функция расширения:

Adj + Inf + Prep + N + Prep + N.

Модель 6

...Inf (Ger) + Adv.

Функция подлежащего:

Inf + Adv.

Функция определения:

N + Inf + Adv,
N + Prep + Ger + Adv.

Функция расширения:

Adj + Inf + Adv.

Функция дополнения:

V + Inf (Ger) + Adv.

Функция предикативного компонента:

V_{mod} + Inf + Adv,
be going + to-Inf + Adv,
had better + Inf + Adv,
be + Inf + Adv.

Модель 7

...Inf (Ger) + Adj.

Функция определения:

N + Inf + Adj,
N + Prep + Ger + Adj.

Функция предикативного компонента:

V_{mod} + Inf + Adj,
be going + to-Inf + Adj.

Функция дополнения:

V + Inf (Ger) + Adj.

Модель 8

...Inf (Ger) + Sub. clause.

Функция определения:

N + Inf + Sub. clause,
N + Prep + Ger + Sub. clause.

Функция предикативного компонента:

V_{mod} + Inf + Sub. clause,
be going + to-Inf + Sub. clause,
had better + Inf + Sub. clause,
be + Inf + Sub. clause.

Функция дополнения:

V + Inf (Ger) + Sub. clause.

Функция расширения:

Adj + Inf (Ger) + Sub. clause.

Приведенный список моделей может быть использован в курсе практической и теоретической грамматики для иллюстрации лево- и правосторонних связей инфинитива и герундия с другими частями речи в различных синтаксических функциях.

Список литературы: 1. Гордон Е. М., Крылова И. П. The English Verbals. М., «Международные отношения», 1973. 214 с. 2. Волкова А. А. Инфинитив и герундий в функции подлежащего. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965. 28 с. 3. Хамзина Г. С. Инфинитив и герундий в функции определения в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 25 с. 4. Навальная С. Т. Функционирование неличных форм английского глагола в научной и разговорной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1964. 24 с. 5. Богуславская Г. П. К вопросу о функциях неличных форм глагола в структуре предложения современного английского языка. Автореф. дис. на

соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977. 23 с. 6. *Фадеева И. Д.* Инфинитив в функции определения в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1963. 26 с. 7. *Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I.* A Course in English Grammar. М., «Высшая школа», 1967. 298 с.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫИ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

При обучении иностранному языку ориентировка учащихся может обеспечиваться путем использования учебной информации (УИ), под которой понимаются любые средства, способствующие уяснению способов и условий выполнения грамматических действий. Целесообразно различать типы УИ: речевой образец, модель грамматического явления, модель грамматического действия (алгоритм).

Полная ориентировочная основа действия (ОД) включает образец действия, модель объекта и модель действия [2]. Однако, использование ОД в таком объеме, безусловно, необходимо только в предельных случаях, когда перенос на новые задания отсутствует [2], что в процессе обучения грамматике встречается крайне редко. При работе с грамматическими явлениями перенос может быть различным. Соответственно и ОД может претерпевать изменения в сторону сужения или расширения. В процессе обучения языку возможность переноса зависит от языковой интерференции. Чем больше интерференция, тем меньше перенос, и наоборот. Исходя из этого, можно предположить, что объем УИ, способный обеспечить адекватную ориентировку при обучении конкретному грамматическому явлению, зависит от интерференции, с которой встречаются учащиеся при овладении этим явлением.

Различая интерференцию по функции и по форме, а также исходя из того, что в каждом из этих аспектов интерференция может быть нулевой, частичной или полной, можно, опираясь на ряд работ [4, 5, 7], классифицировать грамматические явления с точки зрения межъязыковой интерференции следующим образом:

Тип	Функция	Форма (способ образования)
I	Переносится	Переносится
II	"	Корректируется
III	"	Формируется заново
IV	Корректируется	Переносится
V	"	Корректируется
VI	"	Формируется заново
VII	Формируется заново	Переносится
VIII	"	Корректируется
IX	"	Формируется заново

В данной типологии интерференция усиливается от I типа к IX. Соответственно уменьшается возможность переноса. Логично предположить, что необходимость использования полного объема УИ возрастает по мере усиления интерференции. Речевой образец имплицитно содержит как модель грамматического явления, так и алгоритм выполнения грамматического действия, а модель представляет собой свернутый алгоритм. Поэтому в самых простых случаях некоторые типы УИ могут оказаться избыточными, т. е. адекватная ориентировка учащихся может обеспечиваться и на основе неполного объема УИ. Избыточность типов УИ может проявляться по линии «алгоритм-модель», так как в условиях ограниченной интерференции алгоритмический процесс может, вероятно, формироваться на основе образца и модели, а в отдельных случаях, возможно, и на основе одного образца.

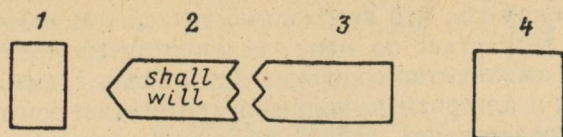
В данной статье описаны результаты исследования, проведенного с целью определения соотношения типов УИ в условиях ограниченной интерференции. Исследование было проведено на материале обучения Future Indefinite в шестом классе средней школы.

Исходя из методической типологии (см. выше), Future Indefinite можно отнести ко II типу грамматических явлений, так как учащиеся средней школы знакомятся только с одной формой будущего времени в английском языке, и поэтому функция этого явления практически переносится из родного языка. Что касается формы, то здесь необходима коррекция, так как способ образования форм будущего времени в английском и русском языках совпадает только частично. В русском языке принят аналитический (буду идти) и синтетический (пойду) способы образования. В английском языке используется только аналитический способ (shall/will go).

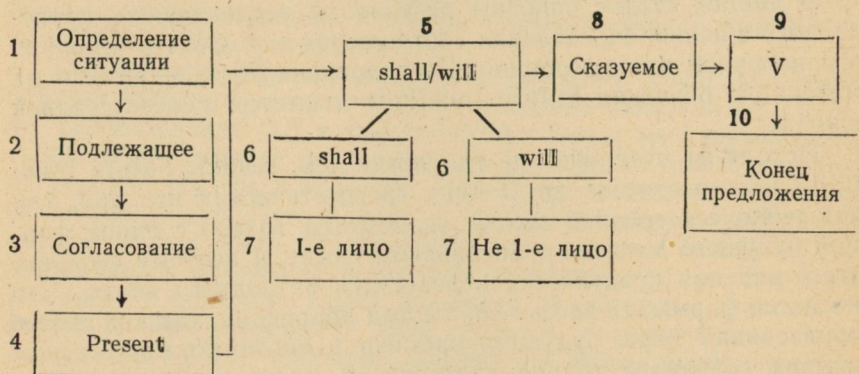
На первом этапе исследования нами были конкретизированы типы УИ для обучения Future Indefinite, а именно: речевые образцы, модель и алгоритмы. В качестве речевых образцов использовались грамматические структуры, отобранные для обучения этому явлению в действующем учебнике английского языка для средней школы [6].

Общей моделью глагольной формы Future Indefinite является формула shall(will) + V (V — глагол в первой форме) с морфологическими вариантами shall + V и will + V. Исходя из этой модели и общей модели утвердительного предложения SPvX (где S — подлежащее, P — сказуемое, v — глагол, X — остальные члены предложения), нами была построена смешанная модель Future Indefinite, символы которой были опущены на более низкий уровень абстракции, позволяя учащимся легко

воспринимать ее и выполнять предметные действия. Модель выглядела так:

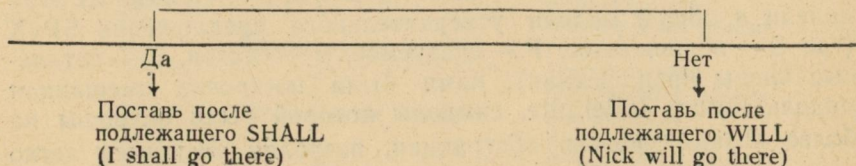

где 1 — подлежащее, 2 — вспомогательные глаголы *shall*, *will*, 3 — смысловая часть сказуемого, 4 — остальные члены предложения. Уголок указывает на необходимость согласования вспомогательного глагола с подлежащим, зубчатая линия — на незавершенность формы сказуемого, цифры — на последовательность элементов модели, и следовательно, на последовательность операций по ее построению. Максимально развернуто последовательность таких операций можно представить так:

Исходя из этой схемы, можно составить алгоритм грамматического действия по оформлению речи в Future Indefinite. Однако не все операции нуждаются в вычленении и отражении в составе алгоритма. Анализ операций показывает, что операция 1 переносится из родного языка, операция 2 известна учащимся, операцию 4 нецелесообразно выделять, так как учащимся неизвестно прошедшее время *shall/will*. Операции 8, 9, 10 также нецелесообразно включать в состав алгоритма. Фактически остаются только операции дифференциации *shall—will*. Поэтому алгоритм имеет вид простой инструкции:

Если нужно сказать о действии, которое произойдет в будущем, проверь, не стоит ли на месте подлежащего I (we):

Алгоритм действия по распознаванию структур Future Indefinite в тексте был построен на основе формально-структурных характеристик. Если после подлежащего стоит shall (will), значит, в предложении идет речь о событии, которое произойдет в будущем.

На втором этапе исследования нами было проведено экспериментальное обучение, которое проходило в форме естественного эксперимента в шестых классах общеобразовательных средних школ № 107 г. Харькова, № 9 г. Полтавы, № 1 и № 2 г. Кобеляки Полтавской области. Обучение проходило на 10-ти уроках по 15—20 мин. на каждом уроке по трем вариантам. Варьируемым фактором выступал объем УИ, используемый на начальном этапе работы по усвоению грамматического материала в каждом варианте обучения. В I варианте в качестве основного типа УИ использовался речевой образец, во II — образец и модель, и в III — образец, модель и алгоритм.

В I варианте обучение проводилось на основе восприятия речевых образцов учащимися и последующей работы с этими образцами. При введении первого образца учащимся сообщалось содержание Future Indefinite, но не давались указания относительно способа образования формы. Работа велась по этапам: аудирование, фонетическая обработка, вопросо-ответные упражнения, учебный разговор «учитель—класс», «учитель—ученик», «ученик—ученик». На завершающем этапе работы учитель выводил правила образования и употребления Future Indefinite.

Во II и III вариантах обучение велось на основе принципов поэтапного формирования умственных действий [2] и предполагало формирование действия по пути от материализованных форм его выполнения к идеальным. Опора на материализованные типы УИ (модель, алгоритм) осуществлялась с помощью их фиксации на отдельные для каждого учащегося карточки. Содержание этих карточек усваивалось в процессе произведения действий, целью которых было выполнение коммуникативной задачи. После того, как необходимость во внешней опоре отпала, дальнейшее формирование действия происходило как в I варианте за исключением этапа выведения правила.

Обучение по III варианту отличалось от обучения по II варианту тем, что в III варианте, кроме образца и модели использовались также алгоритмы по употреблению и распознаванию Future Indefinite.

По нашим наблюдениям, очевидная простота грамматического действия привела к тому, что многие учащиеся отрицательно отнеслись к алгоритмам, считая их ненужным усложнением простого действия. Это, в свою очередь, привело к некоторому снижению интереса к выполнению упражнений и заставило несколько сократить этап работы с алгоритмом. Такие

наблюдения наводят на мысль, что алгоритм является избыточным типом УИ при работе с Future Indefinite.

После окончания обучения в группах всех трех вариантов был проведен послеэкспериментальный срез в устной и письменной формах, который принес следующие результаты:

Вариант	Средняя ошибка	Дисперсия (разброс значений)	Коэффициент усвоения (K)*
I	2,1	1,61	0,83
II	0,64	0,97	0,95
III	0,98	0,96	0,92

Таким образом, количественные результаты подтверждают выводы, сделанные на основе наблюдений о том, что алгоритм является избыточным типом УИ при усвоении грамматического материала II типа. Вместе с тем использование модели повышает качество усвоения по сравнению с использованием одного речевого образца, хотя и результаты обучения по I варианту находятся на достаточно высоком уровне. Для определения достоверности отличия II варианта от I мы использовали вычисление t — распределения Стьюдента [3]. Вычисления показали, что вероятность отличия I варианта обучения от II составляет 99,9%. Таким образом, можно констатировать, что использование модели существенно повышает эффективность обучения, по сравнению с применением речевого образца в качестве единственного типа УИ.

Общие результаты послеэкспериментального среза не раскрывают характер ориентировки учащихся в процессе построения предложений на английском языке. Ввиду частичного совпадения способа образования, учащиеся могут ориентироваться на модели русских предложений и в случаях, отличающихся от русского языка. С целью определения характера ориентировки при проведении письменного среза учащимся было предложено перевести на английский язык русские предложения, содержащие как аналитические, так и синтетические формы будущего времени.

Анализ ошибок показал, что в группах, обучающихся по I варианту, около половины учащихся (47%) ориентируются при построении высказывания на модели русского языка даже в случаях, когда способ образования формы в английском и русском языках не совпадает. Во II и III вариантах такие ошибки делали только 11% учащихся. Так, при переводе русских предложений, содержащих вспомогательный глагол «быть» (напр.

* K вычислялся по формуле $K = a/n$, где a — количество решенных задач, n — количество предъявленных задач. $K = 0,7$ соответствует оценке «3», $K = 0,8$ — оценке «4», $K = 0,9$ — оценке «5» [см. 1].

«Я буду ходить на речку»), испытуемые групп I варианта допускали гораздо меньше ошибок, чем при переводе фраз, построенных синтетическим способом. В последнем случае вспомогательный глагол часто пропусклся. Наблюдались попытки передать содержание, аналогично способу, принятому в русском языке (*I go to the pioneer camp in summer*). Такие ошибки свидетельствуют об ориентировке учащихся на модели русского языка, в результате чего частичное совпадение принципов формообразования распространяется на все случаи употребления этого явления в иностранном языке.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1. В условиях ограниченной интерференции овладение грамматическим действием может достаточно успешно проходить на основе использования речевого образца в качестве единственного типа УИ. 2. Использование модели и в этих условиях существенно повышает эффективность усвоения грамматических действий по сравнению с обучением, основанном на применении речевого образца в качестве единственного типа УИ. Применение модели способствует преодолению межъязыковой интерференции, в результате чего выполнение грамматического действия отличается большей устойчивостью, по сравнению с действиями, сформированными при ориентировке учащихся только на образец. 3. В условиях ограниченной интерференции алгоритм является избыточным типом УИ ввиду того, что для адекватной ориентировки достаточно использования УИ в объеме «речевой образец — модель».

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — «Сов. педагогика», 1968, № 4, с. 52—69. 2. Гальперин П. Я. Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра психолог. наук, М., 1965. 39 с. 3. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике для научных работников и инженеров. М., 1970. 720 с. 4. Малишевская Л. П. Управление процессом формирования речевых грамматических навыков (к вопросу об использовании правил). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, Воронеж, 1975. 22 с. 5. Разумеева Н. А. К вопросу о типологии языкового материала. — «Уч. зап. I МГПИИЯ им. Тореца», 1970, т. 53, с. 268—282. 6. Старков А. П. Книга для учителя к учебнику английского языка для 6-го класса средней школы, М., 1975. 128 с. 7. Шубин Э. П. Позитивные и негативные аспекты влияния первого языка на овладение вторым на разных уровнях языковой системы. — «Ин. яз. в школе», 1971, № 5, с. 27—32.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

ОБЪЕМ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОЖНЫМ ГРАММАТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ

Для ориентировки учащихся в процессе формирования иноязычных грамматических навыков могут использоваться различные типы учебной информации (УИ): речевой образец,

схема-модель, алгоритм [см. 8]. При этом может использоваться различный объем УИ — от полного, включающего все типы УИ, до сокращенного. В методической литературе рекомендуемый объем УИ колеблется от речевого образца [7], образца и модели [6], до образца модели, и алгоритма [2, 4]. Обучение на основе образца в качестве единственного типа УИ позволяет увеличить количество времени для упражнений по отработке грамматического явления в речи, но затрудняет ориентировку учащихся, особенно при усилении интерференции. Использование модели и алгоритма в качестве дополнительных типов УИ обеспечивает полную ориентировку, но удлиняет этап построения и усвоения ориентировочной основы грамматического действия (ОД). При неизменяемом количестве времени, которое отводится для усвоения грамматического явления, это сокращает этап его отработки в речи.

С этой точки зрения для максимального освобождения времени, используемого для речевой тренировки, было бы оправданным использование минимального объема УИ, способного обеспечить адекватную ориентировку. Однако, для определения такого объема для данного грамматического явления необходимо установить соотношение типов УИ, т. е. значимость каждого типа УИ для работы с конкретным грамматическим материалом.

Наши исследования [8] показали, что в условиях ограниченной интерференции (при работе с грамматическими явлениями II типа) оптимальным является сочетание «образец — модель», а для определенной категории учащихся ориентировка обеспечивалась и при использовании образца в качестве единственного типа УИ.

Исходя из гипотезы о зависимости объема УИ от интерференции [8], мы провели исследование, целью которого было определение соотношения типов УИ при работе со сложным грамматическим материалом, т. е. при усилении интерференции. Исследование было проведено на материале Present Perfect, который, опираясь на методическую типологию [8], можно отнести к VI типу грамматических явлений, при усвоении которых необходима коррекция в плане функции (значение Present Perfect соответствует только части объема значения прошедшего времени в русском языке). Что касается способа образования, то он подлежит формированию заново, ввиду полного отсутствия в русском языке аналогичной формы.

Первым этапом исследования была конкретизация УИ для проведения экспериментального обучения, которая проводилась на основе принципов, разработанных рядом авторов (Г. В. Ейгер, М. М. Гохлернер и др.), и описана нами в других работах [8]. В результате первого этапа мы конкретизировали структурно-функциональную модель Present Perfect и алгоритмы употребления и распознавания этого явления в речи. В качестве

речевых образцов использовались грамматические структуры, отобранные для обучения Present Perfect в действующем учебнике английского языка для средней школы [7].

На основе этих типов УИ нами было проведено экспериментальное обучение, которое проходило в форме естественного эксперимента в седьмых классах средних школ № 62 и № 107 г. Харькова, № 9 г. Полтавы и № 1 пос. Комсомольский, Готвальдовского района Харьковской области.

С целью определения уровня владения Present Perfect испытуемыми мы провели предэкспериментальный срез, который показал, что данные учащиеся практически не владели этим явлением в устной речи. Очень много ошибок было допущено и при выполнении письменного задания, результаты которого представлены ниже:

Таблица 1

Вид работы	Процент ошибок	Пропуск to have	Ошибка в III форме	Коэффициент усвоения
Ответы на вопросы	58	71%	5%	0,42
Перевод	78	52%	28%	0,22

Коэффициент усвоения вычислялся по формуле $K=a/n$, где K — коэффициент усвоения, n — количество предъявленных задач, a — количество решенных задач (1). Значение $K=0,9$ соответствует оценке «5», $K=0,8$ — оценке «4», $K=0,7$ — оценке «3». Значение K ниже 0,7 свидетельствует о неудовлетворительном уровне усвоения. На основе результатов предэкспериментального среза был сделан вывод, что усвоение Present Perfect в учебных группах, участвовавших в нем, находилось на очень низком уровне. Практически учащиеся не владели этим явлением. По результатам среза учебные группы были разделены на три варианта обучения таким образом, чтобы обеспечить максимальное равенство групп.

На втором этапе исследования мы провели экспериментальное исследование по трем вариантам обучения, варьируемым фактором в которых выступал объем УИ. Так, в I варианте в качестве единственного типа УИ использовался речевой образец, во II варианте — образец и модель, и в III варианте — образец, модель и алгоритм.

В I варианте обучения учитель объяснял учащимся значение Present Perfect, а затем ситуативно вводил речевые образцы, содержащие это явление. Дальнейшая работа с этими образцами протекала по этапам: аудирование, фонетическая отработка, краткие ответы на вопросы, учебный разговор «учитель — класс», «учитель — ученик», «ученик — ученик». На за-

вершающем этапе учитель подводил учащихся к пониманию образования и употребления форм Present Perfect и формулировал правило.

Во II варианте учитель после короткого этапа аудирования структур Present Perfect совместно с учащимися построил модель этого явления. Дальнейшее усвоение структур проходило по этапам: материализованный этап выполнения действия с опорой на модель и карточки, постепенное переведение внешней опоры во внутренний план учащихся в процессе выполнения упражнений, которые все больше приближались к реальным условиям общения и были коммуникативными по характеру.

Обучение по III варианту отличалось тем, что здесь, кроме образца и модели, использовались также алгоритмы распознавания и употребления Present Perfect. Во II и III вариантах формирование навыка проходило от материализованных форм выполнения действий к идеальным. В основном, необходимость опоры на материализованные ориентиры отпала на III занятии. К этому времени завершился процесс переведения внешней ориентировки во внутренний план.

Экспериментальное обучение проводилось в течение 10 уроков по 15—20 мин. на каждом уроке. После окончания обучения мы провели послеекспериментальный срез в устной и письменной форме. Задания послеекспериментального среза были аналогичны заданиям предэкспериментального среза, но построены на другой лексике. Все лексические единицы были известны учащимся, поэтому лексические трудности снимались. Результаты среза представлены ниже:

Таблица 2

Вариант	Средняя ошибка	Разброс знаний	Коэффициент усвоения
I	2	1,6	0,71
II	1,1	1,3	0,84
III	0,5	0,84	0,92

Значение средней ошибки и разброса знаний были получены по формулам математической статистики [5].

Результаты, приведенные в таблице 2, свидетельствуют о преимуществе II варианта по отношению к I и III варианта по отношению к I и II. Однако, является ли данное преимущество существенным? Для определения вероятности достоверности отличия результатов учебных групп каждого варианта от остальных двух вариантов мы использовали вычисление t — распределения Стьюдента [5], в результате которого было установлено, что вероятность достоверности отличия III варианта от I и II составляет 99,9%, а II варианта от I — также 99,9%.

На этом основании можно сделать вывод о том, что при обучении Present Perfect при прочих равных условиях наибольший эффект приносит использование полного объема УИ.

По нашим наблюдениям, в каждом варианте обучения разные группы учащихся по-разному овладевали грамматическим действием. Отличия касались объема УИ, достаточного для данной категории учеников для обеспечения адекватной ориентировки. С целью определения зависимости объема УИ от уровня подготовки и индивидуальных особенностей учащихся учебные группы каждого варианта были условно разделены на три подгруппы: «А» (низшая), «Б» (средняя) и «В» (высшая). Результаты учебных групп каждого варианта по подгруппам таковы:

Таблица 3

Показатель	Подгруппы								
	А			Б			В		
	в а р и а н т								
	І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	ІІІ	І	ІІ	ІІІ
Процент ошибок	55	39	25	26	10	3	9	0	0
Средняя ошибка	3,8	2,7	1,6	1,8	0,7	0,2	0,4	0	0
Коэффициент усвоения	0,45	0,61	0,75	0,74	0,9	0,97	0,91	1,0	1,0

Результаты, приведенные в таблице 3, наглядно демонстрируют, что показатели ІІІ варианта выше во всех подгруппах, однако, разница между ІІІ вариантом, с одной стороны, и І и ІІ вариантами, с другой, снижается по направлению от «низшей» подгруппы (А) к «высшей» (В). Так, коэффициент усвоения учащихся подгруппы «В» находится на высоком уровне (0,91) даже в группах І варианта обучения. Это позволяет сделать вывод, что учащиеся с хорошим уровнем языковой подготовки и нормальной способностью к концентрации внимания способны усваивать грамматические действия на основе речевого образца.

Таким образом, при организации усвоения грамматического материала VI типа наибольшей эффективностью отличается использование полного объема УИ: речевого образца, модели и алгоритма. Объем УИ зависит не только от сложности грамматического материала (интерференции), но и от уровня подготовки данной группы учащихся. Использование полного объема УИ особенно существенно для «средних» и «слабых» учеников.

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — «Сов. педагогика», 1968, № 4, с. 52—69. 2. Бабкина В. С. Методика обучения структурному оформлению предложения в 5-м классе (на материале англ. яз.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, М., 1971. 19 с. 3. Гальперин П. Я. Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра психолог. наук, М., 1965. 39 с. 4. Есипович К. Б. Методика составления программированного пособия по обучению структурному оформлению речи на немецком языке в 5-м классе средней школы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, М., 1968. 23 с. 5. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике для научных работников и инженеров. М., 1970. 720 с. 6. Малишевская Л. П. Управление процессом формирования речевых грамматических навыков (к вопросу об использовании правил). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, Воронеж, 1975. 22 с. 7. Старков А. П. Книга для учителя к учебнику английского языка для 6-го класса средней школы. М., 1975. 128 с. 8. Чернозатый Л. Н. К вопросу о соотношении типов учебной информации в условиях ограниченной интерференции. — «Вестн. Харьк. ун-та». 1979, № 185, вып. 12, сер. «Иностр. языки», с. 78—83.

М. Б. ШВАРЦ

О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ СУБЪЕКТНЫМИ С СОЮЗОМ *daß* С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В настоящее время возможности перевода сложноподчиненных предложений с придаточными субъектными с немецкого языка на русский еще не изучены. Придаточные предложения подлежащие объединяются в значительную группу. Они отличаются своей многозначностью и имеют формальное сходство с другими типами придаточных предложений, вследствие чего возникают трудности при их характеристике и переводе.

В зависимости от внутренних связей между придаточными и главным предложениями среди придаточных субъектных можно выделить соотнесенные и несоотнесенные, которые различаются главным образом распределением «семантического ядра» [1, с. 30]. «Семантическое ядро» концентрируется, в основном, в придаточном предложении, которое является потенциально автосемантическим [2, с. 20]. Формальным признаком несоотнесенности придаточного субъектного с лицом или предметом является наличие в главном предложении формального подлежащего *es* и отсутствие коррелирующего слова. Несоотнесенные придаточные предложения подлежащие немецкого языка могут быть союзными и бессоюзными. Основными союзами при этом являются *daß*, *ob*, *wenn*, *als*, *bis*, относительные местоимения и наречия. Из всех союзных несоотнесенных придаточных субъектных немецкого языка большая часть (примерно 46%) соединяется с главным предложением с помощью союза *daß*. Он отличается от других союзов сложноподчиненных пред-

ложений большей степенью абстрактности, обобщенности. *Daß* нейтрален во временном отношении и не привносит в высказывание каких-либо логико-грамматических значений. Поэтому способы перевода предложений с этим союзом на русский язык достаточно разнообразны. Они определяются структурой и семантикой главного предложения, дистрибуцией обеих частей гипотаксиса, управлением глаголов и т. д.

Анализ перевода сложноподчиненных предложений с придаточными субъектными с союзом *daß* позволяет выделить ряд случаев перевода, которые мы приводим ниже.

1. Большая часть исследованных предложений переводится с помощью субъектных предложений русского языка. Например:

Daß ein gemeinsamer Lehrer zustande gekommen war, mußte ihn tief befriedigen [I. B. c. 71].

Отцу, видно, очень польстило, что у нас троих будет общий преподаватель [Б. с. 67].

Daß aber Gerda, der kleine Johann und Fräulein Jungmann alljährlich für die Dauer der Sommerferien ins Kurhaus von Travemünde übersiedelten war... die Regel geblieben [T. M. c. 92].

Зато у них вошло в обычай, чтобы Герда, маленький Иоганн и Ида Юнгман... ежегодно проводили время летних каникул в Травемюнде [Т. М. с. 87].

В таких случаях союз *daß* чаще всего переводится союзом *что*, который в русском языке является одним из наиболее распространенных и абстрактных союзов. Союз *чтобы* (пример 2) в данном контексте синонимичен союзу *что* и может быть им заменен без дополнительных трансформаций. Немецкие придаточные субъектные, находящиеся по отношению к главному предложению как в пре-, так и в постпозиции в переводе занимают постпозицию. При переводе рассмотренных предложений таким способом не наблюдается существенных отличий в структуре русского придаточного предложения, а те различия, которые имеют место, связаны с различиями в строе сравниваемых языков, как например, необязательность в русском языке двучленного оформления предложения, различия в глагольном управлении и т. д.

Некоторые предложения с союзом *daß* переводятся на русский язык бессоюзными придаточными субъектными. Например:

...aber es war doch sonderbar, daß sie noch immer seinen Vornamen nicht wußte [T. M. c. 221].

Странно, она так до сих пор и не узнала его имени [Т. М. с. 217].

...und es erwies sich, daß er
...noch niemals das Innere der
Pinamothek erblickt hatte [Т.
М. с. 361].

...как выяснилось, ...он не
удосужился побывать в Пина-
котеке [Т. М. с. 357].

А. Н. Гвоздев отмечает стилистическую целесообразность опущения союза в придаточных предложениях русского языка, если они употребляются в прямой речи или в речи автора, приближающейся к прямой [З, с. 269—272]. В сложноподчиненных предложениях с придаточным субъектным главное предложение может быть эллиптическим. В таких случаях придаточное субъектное переводится либо субъектным, либо объектным придаточным русского языка, что зависит от дистрибуции главного предложения и управления его сказуемого. Например:

Schade, das Christian nicht
da war.... [Т. М. с. 265].

Жаль, что не приехал Христи-
ан... [Т. М. с. 261].

2. Другая группа субъектных предложений с союзом *daß* переводится на русский язык дополнительными придаточными. Здесь, как и в первом случае, главное предложение гипотаксиса состоит из формального подлежащего *es* и сказуемого, поэтому возможен второстепенный член предложения. Формальное подлежащее может отсутствовать при препозиции придаточного предложения или, если в главном предложении на первом месте стоит второстепенный член предложения. Тип придаточного в переводе зависит от управления сказуемого главного предложения русского языка. Например:

so mußte es doch meinen
Eltern auffallen, daß ich verle-
gen schwieg [j. В. с. 57].

Es ist meine ernsthaft
Überzeugung, daß das dein
himmlisches Ideal ist [Т. М.
с. 183].

...родители мои, верно, немало
удивились тому, что я весь
день смущенно молчу [Б. с. 53].

Я уверен, что это и есть твой
тайный идеал [Т. М. с. 179].

Как видим, в русском переводе главное предложение имеет подлежащее, а сказуемое требует после себя дополнения. Так как благодаря наличию синонимии в выборе сказуемого главного предложения возможны варианты, разные переводчики прибегают при переводе немецкого придаточного субъектного с союзом *daß* к разным типам придаточных русского языка. Сравните, например:

Dann aber fiel ihr ein, daß sie in einer betrübten Angelegenheit hergekommen sei [Т. М. с. 392].

1. Но тут же она вспомнила, что явилась сюда по весьма печальному поводу [Т. М. с. 387].

2. Потом, однако, ей пришло в голову, что она явилась сюда по грустному делу [Т. М. 3.с. 391].

Подобные трансформации сказуемого главного предложения возможны и в немецком языке. И здесь они повлекут за собой употребление разных типов придаточных предложений [4, с. 7].

3. Несмотря на то, что союз *daß* настолько абстрактен, что придаточные субъектные, вводимые им, нейтральны во временном отношении. они могут переводиться на русский язык придаточными времени. Возможность такого перевода определяется наличием в главном предложении лексических элементов с темпоральным значением. Например:

Wie lange ist es her, daß Unterzeichneter das Angesicht des reizendsten Mädchens nicht mehr erblicken durfte? [Т. М. с. 177].

Сколько уже времени прошло с тех пор, как нижеподписавшийся не видел вашего престелного лица? [Т. М. с. 173].

4. Некоторые придаточные субъектные с союзом *daß* переводятся на русский язык с помощью придаточных определительных. В русском языке возможны в этих случаях союзы *что*, *чтобы*, *как* или бессоюзная связь. В главное предложение вводится имя, с которым соотносится придаточное предложение. Например:

Dabei viel ihr ein, daß ich heute ja auch noch zu Herrn Oberpostrat Neubert hinaufgehen müßte... [j. B. с. 86].

Вдруг ей пришла в голову мысль, чтобы я сегодня зашел к оберпострату Нейберту... [Б. с. 83].

Und sein Herz betete, es möchte möglich sein, daß diese gefahrlose und friedvolle Morgenstunde niemals ein Ende nähme [Т. М. с. 81].

А сердце его билось в мольбе — только бы не было конца этому безопасному и мирному утру [Т. М. с. 76].

5. Нередки случаи, когда все-сложноподчиненное предложение с субъектным придаточным с союзом *daß* переводится на русский язык простым распространенным предложением. Мы наблюдаем при этом следующие возможности перевода придаточного предложения:

а) Придаточное субъективное переводится инфинитивной группой. Например:

Ja, es war wahrhaftig
liebenswert von Armgard,
daß sie sich unserer alten Pen-
sionsfreundschaft erinnerte
und mich einlud [Т. М. с. 97].

Со стороны Армгард было
очень мило вспомнить о на-
шей пансионской дружбе и
пригласить меня [Т. М. с. 92].

Такой перевод объясняется, на наш взгляд, функциональной синонимией придаточного предложения и инфинитивной группы.

б) Главное предложение превращается в переводе в вводное слово с модальным значением, а субъектное придаточное становится простым предложением. Это имеет место в тех случаях, когда немецкое главное предложение не является носителем основной информации, она содержится в придаточном, а главное оформляет предложение грамматически или является структурно-семантической группой модальности. Так как в русском языке двучленность предложения не обязательна, вся структура переводится одним модальным словом. Например:

Es ist wahr, daß du alles
verloren hast [Т. М. с. 219].

Конечно, ты многое утратил...
[Т. М. с. 214].

Aber es ist auch möglich,
daß es nur das Festliche über-
haupt ist [Т. М. с. 129].

А может быть, это просто
праздничное настроение [Т. М.
с. 124].

в) Главное предложение в переводе опускается, немецкое придаточное становится самостоятельным предложением. Это наблюдается в тех случаях, когда семантическое ядро немецкого предложения заключено в придаточном, а сказуемое главного предложения выражено событийным глаголом, как *geschehen, vorkommen, passieren*. Например:

Es geschah manchmal, daß
die Eltern in dieser Weise aus
Höflichkeit den Standpunkt
wechselten [Т. М. с. 73].

Супруги из взаимной учтивос-
ти иногда менялись точкой
зрения [Т. М. с. 68].

6. Некоторые сложноподчиненные предложения с субъектным придаточным с союзом *daß* переводятся на русский язык сложносочиненным предложением. Как правило, придаточное в немецком предложении стоит в препозиции по отношению к главному, обе части гипотаксиса относительно самостоятельны, что разрешает и в немецком тексте произвести подобные преобразования. Например:

Daß Hartinger in der Nase
bohrte, beruhigte mich [J. В.
с. 41].

Гартингер поковырял в носу, и
это меня успокоило [Б. с. 37].

В немецком языке возможна трансформация: Hartinger bohrte in der Nase, das beruhigte mich.

Проделанный анализ позволяет заключить, что способ перевода немецких сложноподчиненных предложений с придаточным субъектным определяется разными факторами. Это структура и семантика главного предложения, дистрибуция частей предложения, управление сказуемого главного предложения, степень синсемантии главного и придаточного предложений, функциональная синонимия синтаксических структур и др. Некоторые закономерности перевода исследованных структур определяются различиями грамматического строя немецкого и русского языков.

Список литературы: 1. Абашидзе З. Г. Сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Тбилисский госуниверситет, 1972, 24 с. 2. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. Изд-во Высшая школа, М., 1971. 206 с. 3. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд-во Академии педагогических наук, М., 1952. 335 с. 4. Струнникова Е. Е. Семантико-синтаксический анализ сложноподчиненных предложений с изъяснительным придаточным субъектным (на материале немецкого языка). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973, 21 с.

Условные сокращения: Т. М. — Th. Mann. Buddenbrooks. Verlag für fremdsprachliche Literatur, Moskau, 1956. J. B. — J. R. Becher. Abschied. Verlag für fremdsprachliche Literatur, Moskau, 1955. Т. М. — Т. Манн: Будденброки. Перевод Н. Манн. Изд-во «Художественная литература», М., 1969. Т. М. Э. — Т. Манн. Собрание соч., т. II. Будденброки. Перевод с немецкого В. А. Зонгерфея. Гослитиздат, Л., 1934. В. — И. Вехер. Перевод И. Горкиной и Н. Горкиной. Гослитиздат. М., 1958.

Е. Д. МАНЕВСКАЯ, канд. филол. наук, Т. И. ЛЯХ

О МЕСТЕ МОРФЕМЫ -*ly* В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью статьи является определение места морфемы-*ly* в системе современного английского языка. Своеобразие морфемы неоднократно подчеркивалось в работах советских и зарубежных лингвистов. В частности Смирницкий А. И., Ахманова О. С., Калабина С. И. и другие считают, что -*ly* в словах типа *slowly* грамматическая морфема, которая в противопоставлении с нулевой морфемой качественного прилагательного входит в состав грамматической категории (категории направленности по терминологии С. И. Калабиной).

Словообразовательные модели, в состав которых входит -*ly*, различны. Обозначим -*ly* в составе словообразовательной модели — основа прилагательного плюс -*ly* как -*ly*₁, а -*ly* в составе словообразовательной модели — основа существительного плюс -*ly* как -*ly*₂. Сравним словообразовательные особенности этих морфем (см. табл. 1).

Таблица 1

Словообразовательные особенности	Морфема	
	-ly ₁	-ly ₂
алломорфы	фонематический состав не варьируется	фонематический состав не варьируется
фонология темы	неакцентообуславливающий суффикс свободные	неакцентообуславливающий суффикс свободные
типы швов	quick-ly, true-ly	love-ly, mother-ly
дистрибуция	последние порядки fatalistical-ly, love-ly	1) непоследние порядки friend-li-ness 2) последние порядки beggar-ly, sister-ly
грамматическая функция	индикация наречия	индикация прилагательного
грамматическая совместимость	1) адъективные темы slow-ly 2) причастные темы smiling-ly, broken-ly 3) темы числительного second-ly	1) именные темы daughter-ly 2) адъективные темы kind-ly 3) глагольные темы seem-ly

Сравнение словообразовательных особенностей -ly₁ и -ly₂, а также анализ их диагностических окружений [3] доказывает, что -ly₁ и -ly₂ — морфемы-омонимы. Морфему -ly₁ в дальнейшем будем обозначать -ly. Попытаемся определить функциональные признаки морфемы -ly.

Основными характеристиками грамматической морфемы являются: оппозитивность, симультанность, зависимость, опосредованность, количественная ограниченность [5]. Лексико-грамматической морфеме свойственны только три из приведенных выше признаков: зависимость, опосредованность и количественная ограниченность. Оппозитивность и симультанность характерны только для грамматических морфем. Например, морфема -s множественного числа существительного обладает оппозитивностью (регулярное противопоставление множественного числа единственному: нулевая морфема — положительная морфема-s). Самостоятельно -s в речи не употребляется, она зависит от лексической морфемы. В речи -s может иметь одновременно значение множественного числа и притяжательного падежа. С экстралингвистическим она связана опосредованно, через связь с морфемой лексической. Формы морфемы множественного числа представлены закрытым рядом -s, -en и некоторыми другими вариантами, перечисленными в нормативных грамматиках современного английского языка. -s удовлетворяет всем пяти признакам грамматических морфем. Следовательно, это морфема грамматическая.

Рассмотрим функциональные признаки морфемы -ly. 1). Как и грамматическая, морфема -ly связана с экстралингвистическим признаком через лексическую морфему, за которой -ly следует.

2). Самостоятельно *-ly* в речи не употребляется, она зависит от лексической морфемы, с которой связана в структурной форме слова.

3). В плане выражения *-ly* вариантов не имеет.

4). В каждом отдельном случае *-ly* имеет только одно значение в речи.

Установим теперь, характеризуется ли морфема *-ly* признаком оппозитивности. Известно, что при присоединении грамматической морфемы к лексической лексическое значение слова не изменяется (*book — books*). При образовании нового слова с помощью морфемы *-ly* в некоторых случаях наблюдается лексический сдвиг. Число таких слов довольно велико. Вот некоторые из них: *large* (большой, обширный) — *largely* (в значительной мере, в большой степени); *present* — (присутствующий, настоящий) — *presently* (вскоре, сейчас же); *great* — (большой, великий) — *greatly* (очень); *short* — (короткий) — *shortly* (вскоре); *gentle* — (мягкий, кроткий) — *gently* (слегка).

Томсон и Мартине [7] указывают, что формы *highly, deeply, nearly, hardly* широко распространены, но их лексические значения уже, чем у соответствующих прилагательных. Так, *highly* употребляется только в абстрактном значении (*He was highly placed*).

Наблюдаются случаи параллельного образования наречий с морфемой *-ly* и без нее. Так, наречия *deep* и *high* употребляются в прямом значении: *See how deep you can dive* [6]. *You should always aim high*.

Вот несколько примеров употребления наречий без морфемы *-ly*.

Buy cheap and sell dear. Don't shout so loud. Come quick. You guessed wrong. If you play me false I kill you. She is singing flat. The enemy were shooting wild. That suits me fine [6].

Как дополнительный признак следует отметить, что *-ly* не всегда может быть присоединена к основе прилагательного: *small—smallly*.

Морфема *-ly* может присоединяться не только к основе прилагательного, но и к основе причастия (*smiling — smilingly, broken — brokenly*), существительного (*purpose — purposely*), числительного (*second — secondly*).

Итак, оппозитивность, функциональный признак грамматической морфемы, не является характерным для морфемы *-ly*. Следовательно, не существует никакой положительной или нулевой морфемы, с которой *-ly* находилась бы в отношении дополнительности в объеме общего значения оппозиции. Морфеме *-ly*, таким образом, свойственны только три признака: зависимость, опосредованность и количественная ограниченность, как и лексико-грамматическим морфемам обстоятельного наречия *-wards* и *-ways*. Эти морфемы служат для образования некоторых обстоятельных наречий от основ

существительного (sunwards, endways), предлога (outwards, upwards), прилагательного (longways) и местоимений (anywise). Морфемы обстоятельственного наречия *-wards*, *-ways* характеризуются как и морфеме *-ly* признаками зависимости, опосредованности и количественной ограниченности (см. табл. 2).

Таблица 2

Морфемы	Функциональные признаки				
	Оппозитивность	Симультианность	Зависимость	Опосредованность	Ограниченность
—s (в слове boys)	+	+	+	+	+
—ly	—	—	+	+	+
—wards	—	—	+	+	+
—ways (-wise)	—	—	+	+	+

Таким образом, мы приходим к выводу, что подобно *-wards* и *-ways*, морфема *-ly* — лексико-грамматическая и служит для перевода прилагательных в лексико-грамматический класс наречия.

Список литературы: 1. Зятковская Р. Г. Суффиксальная система современного английского языка, М., «Наука», 1971. 150 с. 2. Калабина С. И. О месте некоторых видов наречий в структуре современного английского языка. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 32 с. 3. Маневская Е. Д. К вопросу о соотношении прилагательного и качественного наречия в современном английском языке. Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. С-XX, вып. 17, М., 1967. 7 с. 4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. — Вестн. Харьк. ун-та, 1970, № 3. Сер. «Иностр. языки», вып. 9, с. 72—84. 5. Hill. L. A. An Advanced Refresher Course. London, 1970, 12 p. 6. Thomson A. J. Martinet A. V. A Practical English Grammar. London, 1969. 310 p.

Т. Г. ПОПОВА

НОМИНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМАТУРГИИ)

До настоящего времени проблеме выражения эмоций средствами синтаксиса было посвящено множество специальных работ по французской филологии. Широкий интерес к ней объясняется многими обстоятельствами социального и лингвистического характера. Язык как средство общения не может оставаться вне сферы эмоций, а реакция на окружающую действитель-

тельность и на различные высказывания может выражаться, как собственно языковыми, так и неязыковыми средствами, которые носят интеллектуальный и эмоциональный характер. Интеллектуально-логическое и эмоциональное значение находятся во взаимодействии, так как «человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией; мы или воспринимаем, или чувствуем; ...но в каждом данном случае преобладает что-нибудь одно: или логическое восприятие, или чувство» [4, с. 82]. Элементы эмоционального содержания, как правило, являются оценочными. Это означает, что мы понимаем выражение отношения к предмету с точки зрения нашего чувственного восприятия. Эмоциональная оценка имеет большое стилистическое значение, поскольку «в каждом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает» [5, с. 145]. Эмоции могут выражаться различными языковыми средствами: интонационными, лексическими, синтаксическими. О важности синтаксических средств есть указания в работах Ж. Вандриеса, утверждающего, что эмоциональность в языке выражается «выбором слов и их местом во фразе» [6, с. 136]. Швейцарский ученый Ш. Балли показал, что эмоциональность речи может проявляться не только в фонетике, лексике, в ритмо-мелодическом рисунке предложения, но и в синтаксисе, и нет «никаких оснований полагать, что синтаксические явления не могут выражать ту или иную форму чувства» [4, с. 288]. Учение Балли об аффективной природе синтаксиса у многих лингвистов нашло поддержку, так как Ш. Балли удалось подметить «совокупность грамматических категорий, способных выразить чувство» [4, с. 299]. Подчеркивая неограниченные возможности синтаксиса, В. В. Виноградов учил, что в синтаксисе можно передать самые сложные оттенки чувств, переливы эмоциональных красок, тонкую и разнообразную игру экспрессии [7]. Об эстетической значимости внутренней формы синтаксических построений упоминал в свое время А. В. Чичерин [14]. Синтаксис является важнейшей частью в единой системе языковых средств всех уровней, реализацией которых создается специфическая атмосфера высказывания. Синтаксические средства обычно выступают в совокупности с лексическими и интонационными; с преобладанием средства какого-либо уровня, либо с равномерным их распределением. Однако существенная роль в этом плане отведена синтаксису. Прямые средства (слова, словосочетания) слишком насыщены логическими элементами и поэтому не могут вполне удовлетворять потребностям выражения индивидуальных чувств [4]. «Косвенные средства настолько типичны для диалогической речи, что только здесь их можно успешно наблюдать в их естественной функции» [4, с. 334]. Именно тем, что подобного рода синтаксические структуры обладают способностью отражать субъективно-оценочное отношение говорящего к фактам объективной

действительности», объясняется, очевидно, широкое их употребление в драматургическом диалоге [8, с. 114]. Итак, признавая эмоциональную содержательность синтаксиса, мы определяем ее как свойство синтаксических средств увеличивать эмоциональную насыщенность высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическим значением языковых знаков, наполняющих данную структуру.

Из многочисленных синтаксических средств эмоционально насыщенной речи особый интерес для нашего исследования представляют номинальные предложения в их многообразных разновидностях, так как они являются одной из наиболее ярких имплицитных синтаксических форм фиксации мысли, в которых «дополнительная информация», т. е. эмоционально-экспрессивная [12], передается «нетипичным способом выражения содержательного плана» [13, с. 8]. Эмоциональные возможности этого типа имплицитной номинации признаны как отечественными [2, с. 226], так и зарубежными стилистами [4, с. 241]. «Являясь одной из предельных форм транспозиции двусоставных предложений и способных в результате многократных параллельных транспозиций последних принимать форму существительного, прилагательных, наречий и других частей речи» [3, с. 135], актуализованных в речевом акте и являющихся субститутами предложений различной коммуникативной направленности, а также предполагающие» возможность экспликации невыраженных элементов высказывания» [13, с. 38], номинальные предложения являются удобной отправной точкой обогащения средств выражения [3], реализующих, с одной стороны, эффективность коммуникативного процесса, а с другой стороны, обеспечивающих экономию усилий. При определении «составности» номинальных предложений основным критерием избирается актуальное членение, под которым понимается членение высказывания на различные смысловые части, или «ядра» высказывания, в зависимости от коммуникативного задания в данный речевой момент. На уровне актуального членения номинальным предложением может стать любая значимая языковая единица, непосредственно соотнесенная с ситуацией, событием и дающая название, характеристику явлению. Восходя в своем генезисе к актуализованному в речи виртуальным понятиям в виде определенных предметно-чувственных представлений о предметах объективного мира, их свойствах и качествах, номинальные предложения могут передавать предметно-логическое или эмоциональное содержание. В плане выражения аффективного содержания диалогической сублимированной речи, номинальные предложения представляют несомненный интерес, так как они характеризуются ритмико-интонационным своеобразием, высоким эмоционально-экспрессивной окрашенностью, спецификой функционирования. Использование эмоциональных номинальных фраз в диалогической речи

связано с проблемой членения высказывания на психологический субъект и на психологический предикат [17], в процессе которого возникают предпосылки для исключения из процесса коммуникации избыточных средств и замены их паралингвистическими средствами, которые в сочетании с лексической наполненностью номинальных предложений [16] способствуют получению читателем некоторой дополнительной информации и соответствующего понимания речевого общения.

Для удобства обзора и изучения исследуемого материала мы исходим из классификации номинальных предложений, принятой большинством отечественных ученых, на синтаксически членяемые (*phrases nominales divisées*) и нечленяемые (*phrases nominales indivisibles*) [1; 10; 15]. Синтаксически членяемые номинальные предложения по структуре подразделяются на: 1) Моноремные, выраженные актуализованными в речи различными языковыми единицами с предикативной функцией [3, p. 96]. 2) Синтагматические номинальные предложения, выраженные сочетанием существительного с прилагательным, детерминативами, а также предикативами, употребленными с наречием, местоимением, частицей и т. д. 3) Синтаксически нечленяемые эмоциональные номинальные предложения, в которых эмоциональная оценка выражается языковыми единицами перифрастического или фразеологического характера.

Моноремные эмоциональные номинальные предложения являются обычно выраженными предложениями междометного характера. Дифференциация эмоционального состояния (удивление, раздражение и т. д.) получает свое выражение в восклицательной интонации. *Oh! Nom de chien! Qu'est-ce que c'est que ça? C'est effrayant!* [22, p. 138].

Эмоциональные номинальные предложения, в зависимости от условий контекста, ситуации, а также способа осмысливания говорящим данной ситуации, могут приобретать форму конверсивов, т. е. субстантивных именных построений, использование которых в эмоционально-насыщенной диалогической речи позволяет устранить избыточность языковых средств. Основной информацией, относительно которой осуществляется стиливой выбор данного синтаксического средства, оказывается эмоционально-экспрессивный образ. Его составляющими элементами являются различные эмоциональные оттенки речи (одобрение, пренебрежение, презрение, враждебность и т. д.): *Présomption! Orgueil! Tu crois que tu n'auras pas mieux fait de continuer à coudre et filer chez ta mère?* [12, p. 134]. *Vous l'entendez? Saleud! Canaille!* [19, p. 164]. *A genoux, paillasse!* [19, p. 128].

Различные формы общения откладывают, разумеется, отпечаток на отбор языковых средств. В условиях диалога особое значение приобретают те номинальные предложения, в которых одновременно сочетаются как лингвистические, так и паралингвистические средства, которые представляют источник новой,

Дополнительной информации [12]: Quoi? C'est vous! C'est encore vous? Et toi, et Georges! Qu'on les arrête! [22, p. 177]. Et toi! toi! toi! C'est inouï! [22, p. 138].

Личные и относительные местоимения, как свидетельствует о том выше приведенный языковой материал, оформленные в самостоятельные номинальные предложения, являются средством усиления различных аффективных оттенков (возмущение, гнев).

Адъективные номинальные предложения конкретизируют, как правило, вид эмоционального состояния носителя действия в момент речи: Epouvantable!... Ce qu'elle dit est épouvantable! [19, p. 27].

Причастные и наречные номинальные эмоциональные предложения менее характерны для диалога драматического произведения и характеризуются восклицательной или вопросительной интонацией, нередко обозначая «степень» интенсивности чувства (удивление, радость, угрозу): Sonia. Perdu? Toi aussi? Dans une gare? Dans la foule? [26, p. 63]. Heureusement, que tu n'as pas râlé! Ah! oui, heureusement! Heureusement! [19, p. 29]; Ah! Oui! Heureusement! [19, p. 30]. Le banquier. Vous trahissez la confiance de l'Archevêque. Goetz. Trahir? Confiance? Comment donc! [19, p. 79].

Номинальные эмоциональные предложения, выраженные числительным в сочетании с существительным, передают сугубо ситуативные эмоциональные проявления, которые порождаются и вызываются денотативным значением слова. Наличие эмоциональной оценки сообщает дополнительную информацию о явлении, факте, раскрывает внутренние свойства предмета, вызывающего определенное эмоциональное отношение к номинативному значению слова (недоумение с оттенком недовольства). Cinq cent mille francs? Vous rêvez, mes chattes? [18, p. 71]. Douze mille francs? Vous plaisantez. Si c'est votre dernier mot, je me passerai de vos services [19, p. 105]. Douze mille francs! Vous êtes! Vous êtes complètement folles! [12, p. 72]. Alors, tu entres ou tu n'entres pas?! Toi, près de la serrure! [18, p. 54].

Номинальные инфинитивные предложения актуализируют эмоциональное содержание особым сочетанием узального и контекстуального значений. Rien! rien! et tout. D'être ce qu'elle est? Et d'être là, surtout! D'être là! [19, p. 216].

Номинальные предложения фразеологического типа, являясь нередко средством выражения иронии, насмешки, характеризуются яркой экспрессивно-эмоциональной номинацией явлений, так как в ее основе лежат чувственно-образные представления. Faux comme un jeton... (23, p. 115). Ta gueule à toi, Frédéric- Casse — piedq [21, p. 276].

Рассмотренные выше нерасчлененные эмоциональные номинальные предложения, употребленные в драматическом диалоге,

являются, как указывалось выше, одной из важнейших скрытых форм в системе средств имплицитной номинации, обуславливающих аффективность высказывания посредством актуализации в речи коннотативных элементов предложения. Степень интенсивности эмоций актуализуется в драматургическом диалоге путем распространения ядерных позиций моноремных предложений зависимыми элементами, образуя синтагматические номинальные предложения. Ядерный компонент синтагмы может распространяться эмоционально оценочными прилагательными, указывающими на «степень» эмоций, являясь, таким образом, словами-интенсификаторами, с характерным для них метафорическим переосмыслением денотативного значения. *Honteuse fille! Voici à quoi je devais ta tendresse, à mon trône* [25, p. 137]. *Orgueilleuse! Abominable orgueilleuse! Monsieur te parle comme un frère pour sauver ta mauvaise âme perdue et tu as le front de lui dire que tu lui pardonnes* (18, p. 150).

Может также распространяться ядерный компонент эмоционального номинального предложения местоимением, наречием, инфинитивом, которые подчеркивают или усиливают, конкретизируют разнообразные чувства (негодование, презрение, злость): *Quel touret! Venir me voler mon idée!* [19, p. 171]. *Crande dieux, qu'elle est moche! Mal bâtie, mal fichue de partout, une grosse figure bête!* [19, p. 126].

Эмоциональные номинальные предложения в форме актуализованного числительного или существительного в косвенном падеже выполняют усилительную функцию, выражая удивление, негодование, презрение: *Six mille francs! Mais où veux-tu que je te prenne six mille francs, pauvre idiote!* [18, p. 70]. *Oeil de veau! Arbres à pellicule!... Poète aux pieds sales!* [24, p. 102].

Повышая эмоциональность высказывания, в качестве интенсификаторов при прилагательном, выступающем в функции номинального предложения, могут употребляться количественные наречия *tres, assez, beaucoup*, передавая и подчеркивая в диалогической речи различные эмоциональные оттенки иронии, с оттенком легкой насмешки: *Pâris. Même au milieu de mes bras Hélène est loin de moi. Hector. Très intéressant! Mais tu crois que cela vaut une guerre, de permettre à Pâris de faire l'amour à distance?* [24, p. 29].

Симпатия с оттенком восхищения и уважения к предмету оценки: *Sonia. C'est un homme très doux, très calme, très fidèle aussi! Un très bon mari!* [26, p. 98].

Сдержанность с оттенком недоброжелательности: *Pâris. Hélène est très gentille personne, n'est-ce pas, Cassandre! Cassandre. Assez gentille* [24, p. 27].

Восхищение, выраженное гиперболизацией лексического значения оценочного прилагательного в постпозиции и местоимением в препозиции, а также существительным, выступающим в функции характеризатора явления. Опорные слова данных

именных синтагм являются носителями эмоционального состояния, актуализированного субъективным восприятием собеседника: *Un homme superbe, n'est-ce pas? Voyez, comme il est bâti. Regardez ces mains, ces épaules... et ce torse... Quelle bête magnifique, hein! [19, p. 75]. Une dame patronesse! Une dame patronesse! Vous êtes belle, Solange!*

Особой эмоциональной насыщенностью отличается диалогическая речь, построенная на употреблении номинальных предложений, распространенных несколькими зависимыми элементами в препозиции и в постпозиции: *Sale affaire! Très, très, sale affaire! [21, p. 171]. Gracieuse, cette petite Madeleine, jolie, vive et pas sa langue dans poche, non... sacré Alfred... ah! il est amoureux! [20, p. 84].*

Рассмотрев основные структурные разновидности эмоциональных номинальных предложений в драматургическом диалоге, мы пришли к заключению, что наиболее ярким проявлением аффективного характера диалогической речи является «постоянное использование косвенных выразительных средств» [4, с. 334] в данном случае номинальных предложений, находящихся в прямой зависимости от интонации, ситуации, контекста. Существование такого рода имплицитных [11] форм эмоционального содержания высказывания является характерным явлением на речевом уровне. Регулярная реализация моделей номинальных предложений с эмоциональной оценкой и их структурное разнообразие, которое заключается в различных способах свободного распространения ядерных компонентов, обусловлены действующими во французском языке закономерностями комбинаторики, позволяющей вычленить многообразные формы эмоционального содержания.

Список литературы: 1. Андриевская А. А. Синтаксис современного французского языка. «Вища школа», Киев, 1973. 201 с. 2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., «Просвещение», 1973. 302 с. 3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., Изд-во иностр. лит. 1963. 416 с. 4. Балли Ш. Французская стилистика. Изд-во иностр. лит., 1961. 383 с. 5. Брандес М. П. Стилистический анализ. М., Высшая школа, 1971. 189 с. 6. Вандриес Ж. Язык. М., Соцэкгиз, 1937. 410 с. 7. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., Изд-во АН СССР, 1963. 253 с. 8. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 458 с. 9. Есперсен О. Философия грамматики. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 405 с. 10. Илья Л. И. Синтаксис современного французского языка. (теоретический курс). М., Изд-во иностр. лит., 1962. 383 с. 11. Пронина И. В. Односоставные и неполные предложения как единицы различных уровней в современном французском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., МГПИИЯ, 1974. 31 с. 12. Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка. Л., Учпедгиз, 1963. 221 с. 13. Старикова Е. Н. Проблема имплицитной номинации в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. КГУ, 1976. 41 с. 15. Шмелев Д. Н. О синтаксической членимости предложений. — В кн.: Русский язык в школе. М., «Просвещение». 1965. № 2. с. 6—12. 16. Колишанский Г. В. Паралингвистика. М., «Наука», АН СССР, 1977. 80 с. 17. Попов Ю. В. Предложение и коммуникация в психологическом синтаксисе. — В кн.: Язык и стиль. М., «Наука», 1965, 237 с. 18. Anouilh J. Alouette. Gallimard, Paris, 1955. 185 p. 19. Aymée M.

La tête des autres. Grasset, Paris, 1947. 175 p. 20. *Aymée M/Lucienne et le boucher*. Grasset, Paris, 1941. 241 p. 21. *Cocteau J. La machine à écrire*. Edition du Progrès, Paris, 1976. 350 p. 22. *Cocteau J. Les parents terribles*. Gallimard, Paris, 1938. 179 p. 23. *Guity S. Je t'aime*. Perrain, Paris, 1960. 317 p. 24. *Guiraudoux J. La guerre de Troie n'aura pas lieu*. Grasset, Paris, 1935. 183 p. 25. *Guiraudoux J. Ondine*. Grasset, Paris, 1939. 211 p. 26. *Roussin A. La locomotive*. Calmann-Lévy, Paris, 1967. 383 p.

Т. Г. ПОПОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ

Выражение эмоций в речи многопланово и сложно, связано с рядом неразрешенных частных вопросов. Но сам факт речевого общения свидетельствует о правильном распознавании эмоций коммуникантами. Выраженные и идентифицированные в речи посредством различных эмоционально-экспрессивных языковых средств, эмоциональные состояния представляют, очевидно, элемент единой системы «языка чувств», находящем свое выражение и реализацию на определенном языковом уровне. Языковые средства, выражающие эмоциональные проявления, находятся в непосредственной соотнесенности с ситуацией, речевым контекстом, эмоциональной настроенностью трансмиссора и реципиента в момент трансмиссии, а также с субъективным отношением говорящего к предмету, явлению.

Известно, что любая форма диалогической речи (устная или письменная), в которой наиболее ярко осуществляется эмоционально-экспрессивная функция языка, представляет собой форму языковой коммуникации. Она связана с обменом информацией между коммуникантами через посредство универсальной системы звуковых и графических знаков, именуемой языком. Учитывая немалое значение и роль неязыковой коммуникации в диалогической речи, осуществляемой с помощью жестов, мимики, движений глаз, тела и т. п., коммуникантам приходится выбирать из всего конгломерата фактов лишь те, которые составляют суть, или ядро обмена информацией. Различные операции коммуникации сводятся к определенным преобразованиям форм языковых сообщений, сохраняя при этом неизменным план содержания. Речь, являясь одной из систем коммуникации, рассматривается как минимальная коммуникативная единица знакового продукта, которая несет в себе определенную семантическую информацию, принимаемую реципиентом. Реальный обмен информацией в диалогической речи, насыщенной эмоциональными моментами высказывания, не всегда протекает гладко. Единичное высказывание может в таком случае и не содержать цельного, развернутого сообщения, если речь, например, была прервана, или когда она отличается высокой

эмоциональной напряженностью. Трансмиссия и прием такого одного сообщения в условиях диалога могут быть разорваны на любое количество частей, создавая «куски» высказывания. Информация как бы членится на различные смысловые части, которые в процессе линейного развертывания в диалогической (в данном случае драматической) речи выступают в роли «психологического субъекта» по отношению к непосредственно следующему за ним компоненту речи «психологическому предикату», создавая определенное напряжение, в процессе которого происходит «ожидание нового», получающего в последствии разрядку в любом детерминирующем элементе. Любая «порция информации», соотнесенная с языковыми и внеязыковыми условиями диалогической эмоциональной речи, может актуализироваться и оформиться в самостоятельные суждения. Последние могут характеризоваться определенным ритмико-интонационным единством, различной модальностью, а также эмоционально-экспрессивной окраской. Определить границы «законченных порций информации» бывает порою очень трудно ввиду различных лингвистических отклонений от традиционных звуковых норм. Это явление представляется совершенно оправданным, ибо оно позволяет выявить наиболее важные черты структуры языковой коммуникации в данный момент речи. Эмоциональный язык, как более широкая сфера коммуникации информации, имеет ту особенность, что набор модальных, т. е. эмоционально-экспрессивных средств языка, сравнительно ограничен, а главное — универсален. Это создает благоприятные предпосылки для исключения из процесса коммуникации формально-структурных и избыточных средств и замены их внелингвистическими сигналами (вопросительным, восклицательным знаками и т. д.).

Широкое функционирование паралингвистических средств в диалогической речи оправдывает существование свернутых фраз, лингвистическая «составность» которых и их функционирование совместно с нелингвистическими средствами сигнализирует вместе с семантической информацией о дополнительной, эмоционально-экспрессивной, которая сознательно вкладывается в сообщение трансмиссором. Это воздействие, которое реализуется в диалогической речи в виде ответной реплики реципиента, представляет для нашего исследования особый интерес, так как эмоциональное воздействие обусловлено не только содержанием передаваемой информации, но определенной суммой формальных или формально-семантических свойств знакового продукта. При вербальной эмоциональной реакции реципиент и трансмиссор постоянно меняются местами, и происходит обмен сообщениями, которые могут различаться как по структуре, так и по семантической и эмоционально-экспрессивной значимости. Каждое из таких сообщений, выступая в форме суждения, вопроса, побуждения, выражает

определенную законченную мысль. Понятие законченной или отдельной мысли, как и другие семантические категории, мы квалифицируем не только по формальным признакам (пунктуация, интонация, определенные особенности структуры), но и по семантическому содержанию (законченность, незаконченность мысли). При интерпретации критерия «законченной» или «отдельной мысли» необходимо считаться с такими факторами, как знаковое окружение (контекст) и ситуативная отнесенность единицы, оформленной как предложение. Дело в том, что в ряде случаев, особенно в условиях эмоциональной диалогической речи, нередко употребляются сообщения, состоящие из одного, двух или более слов, которые могут утратить не только смысловую законченность, но и вообще всякий смысл, если их «вырвать» из ближайшего знакового окружения или изолировать от соответствующей им ситуации. Существует мнение, что такие единицы языка не должны квалифицироваться как самостоятельные предложения. И все же у нас нет никаких оснований не признавать, например, также единицы как: *Oui. Très bien! Ouoi? Non. Pourquoi?* предложениями или сообщениями, ибо они оформлены как предложения, и при учете контекста или ситуации передают законченную (отдельную) мысль, выполняя соответствующее коммуникативное задание. Такого типа сообщения могут употребляться с функцией выражения наличия, существования, появления или обнаружения явления, факта, а также с функцией оценки.

В диалогической речи, насыщенной эмоциями, сообщения также актуализируются при помощи особых синтаксических структур, именуемых номинальными предложениями. В своем составе номинальные предложения имеют личные формы глаголов, а потому именуются они «односоставные» именные предложения. Термин «односоставные» предложения был впервые предложен А. А. Шахматовым, [9], который видел суть односоставных предложений с грамматической точки зрения в «сочетании субъекта и предиката в одном члене предложения» [9, ст. 30]. Одновременно и в зарубежной лингвистике, в частности, в романистике, все чаще стали высказываться суждения о существовании предложений особого типа, которые, не имея в своем составе личной формы глагола, тем не менее выражают высказывание, полное содержание, а потому являются эквивалентами предложения 20. С момента выделения номинальных предложений в особую группу возник целый ряд спорных вопросов. Лишь вопрос о природе структурного центра номинальных предложений является, по видимому, в настоящее время окончательно решенным среди авторов, признающих существование номинальных предложений. Спорным до сих пор является вопрос о предикативности номинальных предложений. Большинство авторов считают 3

номинальные предложения предикативными, поскольку они выражают собой словесное выражение предиката суждения, субъект же суждения подразумевается, но не выражен словесно. В рассуждениях подобного типа понятие предикативности приравнивается к наличию логического предиката [1; 3; 8]. Нерешенным является также вопрос о парадигматических связях номинальных предложений с двусоставными предложениями. Некоторые исследователи считают, что номинальные предложения вообще не представляют самостоятельную языковую модель, а лишь речевые варианты соответствующих полных предложений [2], другие признают самостоятельность статуса номинальных предложений [1; 3; 6;]. Но предложенные объяснения этого вопроса не всегда являются убедительными.

Итак, суммируя все сказанное, следует признать, что номинальные предложения представляют особое синтаксическое построение, структурно-полноценное и синтаксически независимое [3], существующее в современном языке независимо от предложений глагольного типа. Номинальные предложения как факт речевой деятельности давно уже не вызывают сомнений, однако сущность номинальных предложений, их грамматические признаки и даже вопрос о наличии специальных конструктивных схем номинальных предложений нельзя признать вполне решенным. Именительный падеж имени не может быть принят как решающий фактор в формировании номинальных предложений без учета функционального признака, который должен включать языковые единицы, поддающиеся наглядно-чувственному восприятию (название действий, состояний, мыслимых во временной протяженности). Вопрос о классификации номинальных предложений также вызывает противоположные точки зрения. Одни языковеды [5] совсем не касались классификации номинальных предложений по их семантико-грамматической функции, другие подходят к разновидностям номинальных предложений со стороны синтаксической специфики их главного члена [4], третья группа ученых рассматривают номинальные предложения с учетом их функций и в соответствии с этим строят свои классификации, выделяя следующие грамматико-семантические типы: 1) бытийные (собственно-бытийные и предметно-бытийные); 2) оценочно-бытийные; 3) желательно-бытийные; 4) указательные. Все эти типы номинальных предложений могут выступать в разных коммуникативных типах: повествовательных, вопросительных, побудительных и восклицательных.

Анализ фактического материала показал, что в зависимости от коммуникативного задания, выполняемого эмоциональными номинальными предложениями, последним присущ восклицательный или вопросительный характер. В этой связи мы считаем целесообразным проследить основные функциональные особенности эмоциональных номинальных предложений, разделить их по признаку эмоциональной акцентированности (несобственно

вопросительные и восклицательные номинальные предложения) и по признаку побуждения к действию или ее прекращению (побудительные эмоциональные предложения). Все предложенные выше типы номинальных предложений выражают разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки: риторическое утверждение или отрицание, эмоционально-окрашенное отношение к явлениям объективной действительности, эмоциональное побуждение к действию или ее прекращение, т. е. функциональные особенности эмоциональных номинальных предложений связаны с задачами коммуникации.

При описании функциональных особенностей эмоциональных номинальных предложений учитываются особенности их интонационного оформления. Интонационная классификация номинальных предложений предполагает обычно наличие двух рубрик: 1) утвердительные вопросительные предложения типа: Cézar. Tu n'as pas envie de voir ton père? Cézariot. Pas le moins du monde. Cézar. Plus tard peut-être? Cézariot. A quoi bon? Cézar. (rêvant) Oui. A quoi bon? [15, p. 112]. 2) неутвердительные вопросительные эмоциональные предложения, передающие различные эмоциональные оттенки высказывания: Удивление: Blaise. Quoi? vous n'avez jamais deviné? Qu'il y a un homme... Cécile. Deviner quoi? Je sentais très bien votre. [16, p. 123]. Удивление с оттенком недоумения, растерянности. Blaise. Et vous n'avez jamais pensez... qu'il y avait un homme, un homme comme les autres? Un homme qui pouvait souffrir, qui pouvait aimer? Qui pouvait vous aimer? Hein? [16, p. 123]. Возмущение с оттенком оскорбленного чувства человеческого достоинства. Le jeune homme... Elle a surtout pitié! Je ne veux pas de pitié! Moi! [16, p. 117]. Раздумье с оттенком горечи, иронии, сочувствия к лицу, о котором говорит персонаж. César. Le pauvre Honoré est tout préparé bien au goût du bon Dieu d'Elzéar. Et si, en arrivant au coin d'un nuage, il se trouve en face d'un Bon Dieu à qui on ne l'a jamais présenté? Un bon Dieu noir, ou jaune, ou rouge? Ou un de ces bon Dieu habillé en guignol, comme on voit chez l'Antiquaire, ou celui qui a le gros ventre? Ou celui a autant de bras qu'une esquinade? Le pauvre Panisse, QU' est-ce qui va lui dire? En quelle langue? Avec quels gestes? Et tu as beau lui faire des prières, il te dit: «Quoi? Comment? Qu'est-ce que vous dites? Et il te le dit en chinois? [15, p. 43]. В вопросительных эмоциональных предложениях неутвердительно-го типа суждение нередко вносит оттенок сомнения. Говорящий не может сразу ответить на предыдущую реплику и собирается с мыслями. Вопрос, поставленный самому себе, может выражать возражение собеседнику. de toi. Bjaise. Pitié? Mélanie. Il dit que ce n'est rien convenable qu'une jeun fille vienne habiter chez un vieux monsieur. Blaise. Un vieux monsieur? Où avez — vous vu un vieux monsieur. Blaise Un vieux monsieur? Hein? [16, p. 40].

В вопросительных номинальных предложениях недоумения иногда может проскальзывать страх перед возможностью положительного ответа на них и мнения, что этого не должно быть и желание сочувствия со стороны собеседника, надежда на их помощь. При выражении недоумения говорящий ищет его разрешения, обращаясь к другим или к самому себе. Ernest. Elle a une mémoire extraordinaire. Kostia. Mémoire? Vraiment? Mémoire? Ernest. Une mémoire fabuleuse! Kostia. Et pas folle? Pas folle! [17, p. 114]. Philippe. Moi? Avec qui? Puisque je te démontre justement qu'Henri et moi... Suzanne. Mais, mon petit, tu m'as trompé, simplement [18, p. 48]. В вопросе может выражаться по поводу высказанного в предыдущей реплике. Catherine. Un chien regarde bien un évêque. Goetz. Oui, mais il voit un évêque à tête de chien. J'ai une tête de quoi? De chien? De maquereau? De morue? [18, p. 54]. В номинальных предложениях вопросительного типа могут выступать вопросительно-подтвердительные частицы, замыкающие вопросительное предложение и несущие основную интонационную нагрузку, передавая определенное эмоциональное отношение говорящего к персонажу (легкое удивление, иронию). Une drôle de bergère, hein? [10, p. 119]. Non? Qu'est-ce que vous êtes? Des justiciers, peut-être? [10, p. 123]. Номинальные вопросительные предложения, построенные с местоимениями *quel*, *quoi* обычно относятся к собственно вопросительным, основная функция которых заключается в запросе информации. Но в эмоционально насыщенной диалогической речи вопросительное слово теряет грамматическую природу вопроса и рассматривается как риторический элемент, и высказывание с характерной для него в данном случае восклицательной интонацией, которая накладывается на вопросительную, снимая «вопросительность», передает различные эмоционально-экспрессивные оттенки содержания. По составу и синтаксису — это вопросительные предложения, а по целевой установке — эмотивные, не имеющие параллельной «нейтральной» разновидности: Mais quel idiot? Quel fichu crétin? Quoi? Qu'est-ce que cela veut dire? [10, p. 157]. В соответствии со своей коммуникативной установкой эмоциональные номинальные вопросительные предложения вписываются в интонационный контур французской фразы, выражая удивление, недоумение: Quoi? Quand il te frappait! Ah? Le cochon! Ah? [11, p. 203]. Эмоциональные номинальные вопросительные предложения, являясь развернутым вопросом к именной части сказуемого, нередко бывают эмоционально окрашенными: N'exagère pas quand même! Jaloux de quoi? De quoi? Il est furieux que j'en aie pas d'amant! [17, p. 293].

В группу восклицательных эмоциональных номинальных предложений следует отнести побудительные предложения, передающие все оттенки побудительной модальности: приказание с оттенком раздражения, нетерпения: A mort la sorcière!

угрозу с оттенком враждебного негодования: *Brûler l'hérétique! A mort! Amort! à mort! A la poterne! Ah!* [12, p. 180]. Мольбу с оттенком панического страха: *Goetz! Pitié! Pas ça! Pas cette herreur! Pitié* [19, p. 103]. Призыв. *Soldats! Soldats! Hé! Les godons! Rendez-moi, mes habits d'homme... appelez-les, tous les curés!* [12, p. 180]. Предупреждение о прекращении какого-либо действия с оттенком нетерпения: *Oh! non! Surtout pas! Surtout pas de preuve! Une preuve! Avec toi, je ne m'y risquerais pas. C'est avec ta preuve que tu me rouleras!* [17, p. 381]. Отчаяние, ужас, переходящие в состояние оцепенения: *Ne m'approchez pas! Ne me touchez pas! Au secours! Michel! Michel! Michel! Michel! Michel! Michel! Mik! Mik! Mik! Mik! Mik!* (Elle hurle). *Michel! Michel! Michel! Michel! Michel! Michel! Mik! Mik! Mik! Mik! Mik!* (Elle s'immobilise) [13, p. 177]. Функциональные возможности номинальных предложений в диалогической речи многоплановы и разнообразны. Они обладают способностью давать эмоционально-оценочную характеристику персонажу: *Imaginez un garçon de 35 ans, l'air plutôt distingué malgré sa profession, avec un visage énergique et un regard intelligent, des manières et une élocution aisée; pas mal. Avec ça, un certain chic dans la façon de s'habiller* [10, p. 15]. Подчеркивать тот или иной признак, свойство предмета: *Bravo! Du cran! Noble adversaire! Belle gifle! Coude fixe!* (14, p. 102); выполнять аппелятивную функцию: *Oh! Madame! Madame! Madame! Oh! Madame! Oh! Oh! Madame! Madame!* [13, p. 127]. Прагматическую функцию, т. е. функцию воздействия на чувство собеседника, вызывая ответные чувства: *Ta gueule à toi, Frédéric! Cass-pieds! Frederic: Ta gueule à toi, punaise!* [17, p. 276]; конкретизирующую функцию: *Roberte! Dans un hôtel! Allons donc, mais c'est absurde! Ah! la chienne! La catin! Dans un hôtel! Avec un autre* [10, p. 61]. Номинальные предложения, являясь, несомненно, одним из наиболее эффективных синтаксических средств реализации эмоциональных состояний в диалогической речи драматических произведений, реализует свои функциональные возможности в особо благоприятных условиях контекста и ситуации. Представляя одну из имплицитных форм реализации психических состояний, номинальные предложения, несомненно, являются индикатором эмоциональной речи.

- г)
Ш Список литературы: 1. Андриевская А. А. Синтаксис современного французского языка. Киев, Вища школа. 1973. 201 с. (на фр. яз.). 2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., «Наука», 1966. 198 с. 3. Буженик К. Ф. Типы номинальных предложений в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1958. 32 с. 4. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Изд-во МГУ, ч. 2, 1964. 637 с. 5. Грамматика русского языка. Под ред. Н. И. Тарасовой и Л. С. Груздевой, М., Изд-во АН СССР, т. 2, ч. 2, 1954. 465 с. 6. Илья Л. И. Синтаксис современного французского языка. М., Изд-во иностр. лит. 1962. 383 с. 7. Попов Ю. В. Предложение и коммуникация в психологическом синтаксисе. — В кн.: Язык и стиль. М., «Нау-

ка». 1965. 237 с. 8. *Пронина И. В.* Односоставные и неполные предложения как единицы различных уровней в современном французском языке. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., МГПИИЯ, 1974. 31 с. 9. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., Учпедгиз, 1941. 620 с. 10. *Aymée M.* La tête des autres. Grasset, Paris, 1952. 175 p. 11. *Aymée M.* Lucienne et le boucher. Grasset, Paris, 1947. 241 p. 12. *Anouilh J.* Alouette. Gallimard, Paris, 1955. 185 p. 13. *Cocteau J.* Les parents terribles. Gallimard, Paris, 1938. 179 p. 14. *Guiraudoux J.* La guerre de Troie n'aura pas lieu. Grasset, Paris, 1935. 183 p. 15. *Pagnol M.* Cézair. Presses Pocket, Paris, 1976. 298 p. 16. *Pagnol E.* Jazz. Presses Pocket, Paris, 1976. 215 p. 17. *Roussin A.* La locomotive. Calmann-Lévy, Paris, 1976. 383 p. 18. *Roussin A.* La petite. Edition du Rocher, Paris, 1963. 260 p. 19. *Sartre J.* — P. Le diable et le bon Dieu. Grasset, Paris, 1951. 252 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева О. П. Отрицание и совместимость в современном английском языке	3
Гаврилова А. И. Результаты статистической обработки лексики первого уровня распределительного словаря (РС) русского языка и сопоставление данных РС русского и французского языков	7
Гришко Н. Н. О возможной реализации принципа проблемности при обучении фонетике будущих учителей	12
Дородных А. И. О некоторых особенностях употребления форм повелительного наклонения в английском и русском языках	15
Еценко Ю. Ф. К вопросу об имплицитной номинации в синтаксисе разговорного английского языка	18
Молодец В. Н. Краткий русско-немецкий словарь лингвистических терминов, изданный в ГДР	25
Николаева В. Д. К проблеме классификации трехчленных диалогических единств в английском языке	32
Проценко В. С. Функционирование падежей и их лексико-семантические связи	36
Прудников Л. Н. Заимствования из русского языка в английском толковом словаре «Чеймберс»	42
Белогуб А. Л. Об одной из тенденций развития отраслевой терминологии (на материале отраслевой подсистемы станкостроения в современном немецком языке)	44
Рассказова О. А. К вопросу о функционально-семантической категории	48
Суворова Л. Я. Структурно-вероятностный анализ синтаксических валентностей прилагательных группы <i>good</i> в современном английском языке	53
Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое поле как единица функционально-стилистического сопоставительного анализа	57
Тимошенкова Т. М. Именные структуры с предикативом, обозначающим исполнителя действия	62
Ткаченко Р. Г. К характеристике компонентов синтаксической конструкции прямой речи (структура авторского ввода и его динамика)	65
Ткаченко Р. Г., Феценко Л. П. Ситуативный подход к изучению грамматики	68
Филина Н. Ю. Некоторые типичные модели инфинитива и герундия в современном английском языке	72
Черноватый Л. Н. К вопросу о соотношении типов учебной информации в условиях ограниченной интерференции	78
Черноватый Л. Н. Объем учебной информации при работе со сложным грамматическим материалом	83
Шварц М. Б. О способах перевода сложноподчиненных предложений с придаточными субъектами с союзом <i>daß</i> с немецкого языка на русский	88
Маневская Е. Д., Лях Т. И. О месте морфемы <i>-ly</i> в системе современного английского языка	93
Попова Т. Г. Номинальные предложения как синтаксическое средство выражения эмоций (на материале современной французской драматургии)	96
Попова Т. Г. Функциональные особенности номинальных предложений, выражающих эмоции	103

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 185.

Иностранные языки

Выпуск 12

Редактор *В. К. Горбатько*
Художественный редактор *В. Е. Петренко*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректор *О. П. Котух*

Информ. бланк № 4095

Сдано в набор 16.08.78. Подписано в печать 24.05.79.
БЦ 09144. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3.
Лит. гарн. Выс. печать. 7 усл. печ. л. 8,1 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Изд. № 633. Зак. № 1444.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа»,
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

298944

